

А. Н. ЛЕОНТЬЕВ

ЛЕКЦИИ
ПО ОБЩЕЙ
ПСИХОЛОГИИ

Алексей Леонтьев

Лекции по общей психологии

НПФ «Смысл»

2007

Леонтьев А. Н.

Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев — НПФ «Смысл»,
2007

Обработанные стенограммы курса лекций по общей психологии, читавшегося А.Н.Леонтьевым в 1973—75 гг. на факультете психологии МГУ. Публикуются впервые по магнитофонным записям и машинописным стенограммам из архива А.Н.Леонтьева. Психологам, студентам психологических специальностей.

© Леонтьев А. Н., 2007

© НПФ «Смысл», 2007

Содержание

От редакторов	7
Введение в психологию	8
Лекция 1	8
Лекция 2	16
Лекция 3	22
Лекция 4	29
Лекция 5	35
Лекция 6	41
Лекция 7	47
Лекция 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

А.Н.Леонтьев
Лекции по общей психологии
Под редакцией
Д.А.Леонтьева, Е.Е.Соколовой

От редакторов

Предлагаемая вниманию читателя книга содержит уникальный материал – не публиковавшийся ранее текст устных лекций по общей психологии, прочитанных крупнейшим отечественным психологом XX века Алексеем Николаевичем Леонтьевым (1903–1979). Лекции читались на факультете психологии Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова в 1973–1975 гг. В них представлены все основные разделы традиционного курса общей психологии для студентов психологических факультетов и отделений: «Введение в психологию» (лекции 1–14), «Психология познавательных процессов» (лекции 15–42), «Психология личности» (лекции 43–52).

При подготовке лекций к публикации мы столкнулись с рядом трудностей. Одни лекции сохранились только в машинописном варианте с некоторыми пропусками, которые не всегда могли быть восполнены по контексту, другие существовали только в виде магнитофонных записей, и не всегда качество этих записей позволяло полностью идентифицировать текст. Если же текст лекций сохранился в двух вариантах – магнитофонном и машинописном – эти варианты могли настолько отличаться друг от друга, что требовалась специальная работа по согласованию обоих текстов. Мы стояли перед сложным выбором меры редактирования текстов, колеблясь между необходимостью, с одной стороны, максимально сохранить аутентичное авторское слово, и, с другой стороны, сделать текст лекций максимально четким и доступным для понимания. Учитывая, что данная книга ценна не только и не столько как исторический документ, сколько как учебное пособие для сегодняшних студентов (и не только студентов), мы прояснили содержание высказываний (там, где это содержание для нас очевидно), устранили повторы и некоторые отклонения в сторону, добавили ссылки на некоторые литературные источники. В остальном текст при публикации был подвергнут минимальной правке, и особенности устной речи А.Н.Леонтьева намеренно сохранены. Необходимые редакторские комментарии по тексту даны в угловых скобках (< >). Мы также дали краткое заглавие каждой лекции в соответствии с ее основным содержанием, чтобы облегчить читателю ориентировку в книге.

В результате нам удалось собрать практически все лекции А.Н.Леонтьева по курсу общей психологии. Они, на наш взгляд, представляют интерес для читателей потому, что дают возможность ознакомиться с деятельностной трактовкой проблем и закономерностей общей психологии, как говорится, «из первых рук». А своеобразное построение устной речи, диалоги с аудиторией и прочие «шероховатости» придают тексту особую убедительность.

Основная техническая работа по расшифровке магнитофонных записей была выполнена Д.Г.Половневым и А.И.Чекалиной, которым редакторы выражают свою благодарность. Отдельной благодарности заслуживает институт «Открытое общество», без финансовой поддержки которого подготовка издания растянулась бы на многие годы.

*Д.А. Леонтьев,
Е.Е. Соколова*

Введение в психологию

Лекция 1

Психические явления и жизненные процессы

Сегодня мы начинаем, товарищи, курс по психологии. Это обширный курс, который продолжится 5 семестров.

Все вы хорошо представляете себе, о чем идет речь, когда мы говорим о психических явлениях и процессах. Мы называем психическими такие явления, как ощущение, восприятие, процессы памяти, запоминания или припоминания, процессы мышления, воображения, эмоциональные переживания удовольствия и неудовольствия и другие чувства. Наконец, мы часто говорим об индивидуально-психологических особенностях личности человека (например, слабовольный человек, общительный или человек сильной воли), мы учитываем эти особенности.

Конечно, научное знание не ограничивается и не может ограничиваться описанием тех или иных явлений. Например, мы наблюдаем такое великолепное явление как радуга. Можно радоваться, созерцая эту красоту, но от того, что мы наблюдаем множество раз одно и то же, наши научные знания не увеличиваются. Научное знание заключается в том, чтобы проникнуть в самую природу тех или иных явлений и процессов, в порождающие их причины, управляющие ими законы, то есть, как обычно говорят, в их сущность.

Не иначе обстоит дело и с психологией. Задачи ее заключаются именно в том, чтобы исследовать, познать природу, сущность тех явлений, которые описываются как явления психические или психологические. И вот здесь психология как наука встречается с очень серьезными затруднениями с точки зрения того, как подойти к решению задачи познания сущности тех явлений и процессов, которые называются психическими.

Этот вопрос далеко не прост. Пожалуй, он сложнее, чем аналогичный вопрос, который, естественно, возникает и в других науках о живой природе, и знаменательно, что Альберт Эйнштейн, говоря о психологии, воскликнул: насколько же психология как наука сложнее, труднее, чем физика!

Действительно, на протяжении веков сущность психических явлений, которые, казалось, были схвачены, очерчены в первом приближении и предмет психологии как науки оказались какими-то малоуловимыми. Как, например, синий цвет, который при близком рассмотрении теряет свою синеву и оказывается серым, неопределенным.

И все же мы имеем очень серьезный прогресс в понимании сущности психических явлений. Для того, чтобы проникнуть в эту сущность, понадобилось исходить из каких-то первоначальных общих научных представлений. Чтобы иметь конкретное исследование природы и законов психических явлений, нужно было отпираться от общих теоретических положений, представлений и, могу даже сказать, философского понимания того, что же такое эти явления по своей сути. Современная научная психология исходит из того, что психические явления, процессы представляют собой не что иное, как особое отражение того, что существует в мире, что существует в действительности независимо от самого факта отражения.

Обычно мы коротко выражаем это положение так: *психические явления есть отражение независимо существующего в действительности, в реальности*. Это общее теоретическое положение, которое бесспорно потому, что оно свидетельствует о всем опыте жизни отдельного человека и, особенно, об опыте всего человечества.

Действительно, если бы то, что отражается в нашей голове в форме ощущений, восприятия, мышления не представляло бы собой именно отражения, своеобразной копии реального мира, как бы мы с вами могли жить в мире? Даже для того, чтобы осуществить самый простой жизненный процесс, жизненный акт, для того, чтобы повернуть бумажку, которая сейчас передо мною, нужно увидеть эту бумажку, нужно увидеть движение, которое я делаю сейчас перед вами, знать свойства, какие имеет эта бумажка, нужно измерить расстояние, свойство материала, величину и т. д., и т. п. Но если говорить серьезно, посмотрите, как человечество в ходе своей истории научилось управлять внешним миром, переделывать природу, создавать новые объекты, новые вещи и приспосабливаться к внешнему миру, и не только приспосабливаться, но и приспосабливать его, а для этого нужно иметь образ этого мира.

Конечно, этот образ мира в какой-то форме возникал – может быть, в самой простой форме слухового или другого образа, в какой-нибудь другой форме. Конечно, это отражение может быть лишь приблизительным, вернее, более или менее правильным, иногда ложным, иллюзорным, как бы не существующим вовсе. Но разве в этом главное? Главное заключается в том, что наши субъективные образы мира становятся более или менее правильными под влиянием опыта жизни, практической деятельности как в ходе истории, так и в ходе развития отдельного человека.

Речь идет не о каждом отдельном явлении, которое может быть иллюзорным. Речь идет о развитии, о движении, которое направлено в сторону все более верного, адекватного, то есть соответствующего, отражения. Отражение – важнейшая философская категория, важнейшая категория человекознания. Но вместе с тем это понятие, эта категория стала действительно исходной и в современной психологии, исходной еще и потому, что когда мы говорим об отражении, то мы имеем в виду не только познавательные процессы, восприятие или мышление. Эта категория должна быть распространена на весь круг психических явлений.

Я сошлюсь на такое простое явление, как, например, ощущение движения. Это не отражение внешне происходящего перед нашими глазами процесса. Тем не менее, это отражение моего состояния – процесса, который связан с моим собственным действием. Но разве и эмоциональные процессы не несут в себе отражения чего-то, что существует независимо от наличия эмоциональных переживаний? Конечно, да.

Допустим, что то или иное воздействие на человека положения вещей, ситуации, как мы говорим, может быть благоприятно для развития жизни, для достижения какого-то положительного результата, а может и противоречить субъекту. И тогда мы получаем безошибочные сигналы, которые мы называем эмоциями, то есть ощущения, переживания этого неприятного явления.

Даже сами внутренние психические процессы могут быть предметом отражения, потому что они представляют собой некоторую реальность. Например, отражаться может мысль того или другого человека, а также при некоторых условиях и наша собственная мысль. Мы можем иметь мысль о мысли. Это отражение процессов, но процессов, протекающих главным образом во внутренней форме.

А разве мы не составляем себе известный образ, представление о личности человека, другого человека? А вместе с этим, вернее, вслед за этим (если иметь в виду развитие) и представление о своей собственной жизни, об известном этапе развития человека, о развитии человеческой личности? Человеческий индивидуум постепенно формирует представление о самом себе среди других людей. Начинается дело с простых вещей, с отображения телесного Я; когда мы совершаем какое-то простое действие, мы руководствуемся не только отражением предметной среды и вещей, но и представлением о своем собственном теле. Сопоставляем поверхность своего тела и поверхность предмета, а коль скоро это представление поверхности предмета у меня существует, то складывается и образ телесного Я. Я мог бы продолжать бесконечно перечисления этих примеров, но это и так ясно.

Психологи имеют дело с явлениями и процессами, которые относятся к категориям явлений и процессов отражения. Но само словосочетание «явление отражения» имеет очень широкое значение, это понятие охватывает массу процессов, которые мы наблюдаем и в неживой, неорганической, и в органической природе. А когда мы, психологи, говорим об этом, мы уточняем это понятие. Можно говорить об отражении в неживой природе, например об отражении лучей света в зеркале, и мы так и говорим: «зеркальное отражение».

Мы употребляем эти слова и для обозначения многих процессов в живой природе, причем, иногда, для характеристики процесса, который относится к живой природе, но не относится к процессам отражения в вышеупомянутом значении этого слова. Например, мы можем сказать, что усиленная теплоизоляция тела «отражает» понижение температуры внешней среды. Так можно сказать: «отражает». Но это не то отражение, о котором идет речь, когда мы употребляем это понятие как категорию психологии познания. В этом последнем случае мы говорим о другой форме отражения, о «психическом отражении».

Чем отличается данная форма отражения от других форм процессов и явлений, которые в широком смысле называются процессами отражения? В чем заключаются особенности именно психического отражения? Прежде всего, это явления и процессы, которые представляют собой субъективный образ действительности. Это значит, что они принадлежат живому субъекту. Значит, психическое отражение, о котором идет речь, свойственно только живым существам – животным и человеку. Оно возникает, формируется лишь в ходе развития жизни, в ходе эволюции живых существ, живых организмов, и оно является продуктом процесса развития жизни.

Следовательно, это явление отражения, с которым мы имеем дело, психическое явление, – это процесс жизненный. Я бы хотел, чтобы вы обратили внимание на это положение. Явления и процессы, которые изучаются психологами, принадлежат к числу явлений и процессов жизненных, порождаемых жизнью, существующих только в жизни, принадлежащих живым существам, которые суть субъекты отражения.

Вот видите, оказывается, что психология принадлежит к тому обширнейшему кругу наук, которые занимаются жизненными процессами, которые изучают жизнь, ее формы на разных ступенях ее развития, в разных ее характеристиках, но все это – жизнь. Это всегда активная сторона процесса. Поэтому и психические явления и процессы, то, что мы называем психикой, психическими отражениями, – тоже активные.

Психические отражения активны в двояком отношении: и по своему происхождению, и по функции. По своему происхождению потому, что никакое психическое отражение, никакие психические явления и процессы не могут возникнуть и развиваться иначе, как в жизненных, всегда активных процессах, в процессах жизни субъекта. Эти психические явления существуют только в процессах жизни.

Когда на живое существо, живой организм воздействует какой-то внешний раздражитель, то необходима активность организма для того, чтобы эти воздействия породили свое отражение, а попросту: для того, чтобы увидеть, надо смотреть, а чтобы услышать, нужно слушать.

Иногда эта активность имеет скрытую, внешне плохо наблюдаемую форму. Например, чтобы получить образ предмета, чтобы увидеть эту аудиторию, достаточно ли, как говорит старинный автор, «открыть глаза»? Нет – надо еще и посмотреть. Надо проделать внутреннюю работу. Должны быть активные жизненные процессы и для того, чтобы возник образ данной аудитории, образ любого другого объекта вообще.

Иногда эти процессы активности, напротив, очень открыты. Если, например, я в темноте должен найти и взять со стола вот этот предмет и отличить его от других предметов, что я должен сделать? Я должен провести рукой по контуру этого предмета, обнаружить его, как бы

«снять слепок» с этого предмета. Когда я делаю это движение рукой, я снимаю слепок, чтобы понять, о чем идет речь.

Иногда нужно припомнить, найти у себя в памяти что-то, и здесь тоже нужна какая-то особая форма активности, нужны какие-то жизненные процессы, чтобы данное отражение произошло скрыто или открыто. Но эта активность не может порождаться самими явлениями психического отражения. Это *первое*.

Второе. Психическое отражение активно также в том отношении, что оно не только порождается жизнью, но и выполняет свою особую роль в тех самых порождающих его жизненных процессах. Оно выполняет особую функцию. Психическое отражение – это вовсе не побочный продукт или просто тень, отбрасываемая идущим человеком, которая никак не влияет на его шаги. Дело обстоит совсем иначе. Психическое отражение играет свою роль, выполняет свою функцию в жизненных процессах. Для характеристики этой функции я должен ввести один термин. Я его приведу, а потом мы с вами увидим, какие богатства кроются за этим термином, какое это богатое понятие. Нужно сказать так: психическое отражение *«опосредствует»* жизненные процессы.

Опосредствованность — это значит оно «служит средством», то есть процесс происходит через ощущения, «посредством» восприятия. Приспособление к внешнему предмету оказывается *опосредствованным*. И это происходит на всех уровнях развития сложных форм жизни: у животных и у человека. Вы присмотритесь к полету ласточки вечером, когда поднимается рой насекомых, или утром; очень хорошо видно, как ласточка в своем полете строго управляется, как точно оценивает скорость движения летящего насекомого и расстояние, как безошибочно, как необыкновенно точны ее действия!

Я спрашиваю: чем управляются эти сложнейшие движения? Каким механизмом своего полета пользуется это прекрасно работающее автоматическое устройство птицы? Этот автомат лишь осуществляет полет, а что управляет им? Восприятия очень сложные притом, с оценкой расстояний и даже величины пути движения насекомого.

Но поднимемся дальше. Прицелен, точен, соразмерен прыжок, скажем, хищного животного, точен расчет всех его бросков. Как может быть это управляемо? Нужно иметь перед глазами жертву и нужно прогнозировать, предсказывать, уметь предсказывать движения этой жертвы. Зачеркните мысленно вот эти образы, которые управляют поведением хищного животного или ласточки в полете, и вы получите полную невозможность приспособления этих животных к условиям, в которых им приходится существовать, жить, утверждать свою жизнь и вместе с этим, через это, также утверждать жизнь, существование вида.

Таким образом, эти процессы, эти явления отражения, эти субъективные образы опосредствуют деятельность живых существ, управляют ею, давая ориентировку субъекту – животному или человеку – в условиях, в которых они существуют в окружающем их предметном мире. Поэтому мы и говорим: *активная функция, активная роль психики*. Так же управляют жизненным уровнем человека в мире, в котором он живет, и эмоции.

Итак, основная мысль состоит в том, что психическое отражение характеризуется не только тем, что оно всегда принадлежит некоему субъекту, живому существу, но также и тем, что это есть всегда активный процесс, активный и в том отношении, что он порождается жизнью, и в том, что эти явления участвуют в осуществлении жизни, регулируют ее, ориентируя субъекта – животного или человека – в том мире, в котором он живет, в той действительности, в которой он существует.

Наконец, *третье* положение, на которое хотелось бы обратить внимание и которое также имеет отношение к нашему общему представлению о том, как следует подходить к конкретному исследованию психических явлений и процессов. Это положение состоит в том, что в ходе эволюции развиваются и усложняются органы психического отражения, меняются его формы, то есть меняются формы психики. Отражение меняется не только в смысле увеличения коли-

чества чувств, обогащающих сферу ощущения, восприятия, но и в смысле качества его формы. Если, скажем, говорить о низкой степени эволюции, то мы можем объективно констатировать наличие зачаточных ощущений в восприятии окружающей среды. С переходом к человеческому обществу происходит огромный скачок в развитии, появление очень больших качественных изменений. Рождается новая форма психического отражения, и мы называем эту форму сознанием.

Здесь следует сделать одно уточнение. Дело в том, что когда мы говорим «психика», то имеем в виду лишь психическое отражение на разных ступенях развития. Говорим о психике животного, человека, младенца всякий раз, когда имеем дело с собственной ориентировочной деятельностью живого существа и т. д. Но когда мы говорим «сознание» применительно к человеку, мы имеем в виду не всякое человеческое психическое отражение, а только такое, которое присуще исключительно человеку и которое является продуктом развития не жизни природного существа в природной среде, а продуктом развития, порождения человеческой жизни в человеческом обществе. И если мы говорим, что специальная человеческая психика должна быть выделена, обозначена новым понятием, новым термином, и говорим «сознание», то это вовсе не означает, что эта высшая форма психики является единой формой психического отражения человека. Научное исследование приводит к необходимости констатировать, что, наряду с этой высшей формой, существуют и другие, более элементарные формы психического отражения у человека и они уже не те, с какими мы встречаемся даже у наиболее высоко развитых животных. Эти элементарные формы отражения продолжают существовать в измененном, трансформированном виде, несмотря на появление новых, специфических форм отражения.

Когда я спрашиваю себя, сознаю ли я окружающий мир, в действие вступает особая форма психического отражения. Я могу дать отчет о том, что я вижу, что я слышу, что я переживаю или переживаю ли вообще что-нибудь. Мы знаем это по собственному опыту. Например, когда я прохожу по улице и навстречу мне движутся люди, я иду мимо витрин магазинов, на этих витринах выставлены те или другие товары, передо мной возникает на пути светофор, а я в это время занят оживленной беседой с моим спутником, предметом моего сознания является то, о чем идет речь в оживленной беседе, я отдаю в этом себе отчет, я это контролирую. И это сознательный процесс. Я действую, имея в виду этот предмет, о котором идет речь. Но вместе с тем, я никогда не отступлю и за кромку тротуара. Я придерживаюсь сигналов, я не столкнусь со встречными людьми, я обхожу их. Если что-то появляется неожиданное в витрине, я это вижу. У меня может прерываться процесс. Я могу отвлечься от самой интересной беседы, пусть на несколько секунд. Как говорится, мое внимание будет отвлечено этой неожиданной встречей. В каком соотношении находятся те процессы, которые протекают как бы незаметно для меня, о которых я не думаю, и те, в которых я отдаю себе отчет и которые я знаю? Сейчас я вижу, сейчас я думаю, сейчас я решаю задачу. Что я должен сказать? Они соотносятся как низшая и высшая формы психического отражения, причем высшая принадлежит только человеку.

Я начал свою лекцию с того, что мы знаем о психических явлениях по собственному опыту. Но только то, что нам дает этот опыт, честно говоря, обманчиво, и объективное знание этих явлений открывает нам гораздо больше, чем то малое, что мы охватываем в нашей повседневной жизни, наблюдая за самим собой и, с другой стороны, за выражением этих же процессов у других людей, потому что мы знаем об этом мире восприятия, мышления, чувств по самим себе и наблюдая людей, с которыми сталкиваемся. Этот круг наблюдений необходим. Но это то, что подлежит раскрытию. То, что раскрывается, – это неизмеримо больший круг явлений и среди них – огромное число таких явлений и таких процессов, о существовании которых нам не дает никакого представления наш повседневный, внутренний опыт.

Позвольте перевести то, что я сказал, на наш обычный язык, которым мы пользуемся в научной среде. Я сейчас говорил о том, что мы имеем опыт наблюдения явлений, и я ввел

ограничение, я сказал: «*внутренний опыт*». Значит, не опыт вообще, а опыт воспоминания, внутренний опыт, процесс, проверяющий «внутри нас». Эта форма познания, этот метод и этот путь в психологии стал обозначаться как субъективный, как опыт самонаблюдения. Есть еще одно слово, которое значит то же самое: это опыт интроспективный. Точный перевод этого латинского слова: «смотрение внутрь». Отсюда и название метода.

Сейчас может возникнуть вопрос: что мы наблюдаем у себя и у других людей? По своему собственному субъективному опыту я, например, знаю, что такое чувство недовольства и какими внешними выражениями оно сопровождается. Затем я вижу некую позу, поведение, какие-то внешние реакции другого человека, и догадываюсь по аналогии со своим опытом самонаблюдения, что у этого человека также имеются отрицательные эмоциональные переживания. Поэтому такие суждения и такие внешние наблюдения имеют своим источником внутренний опыт. Психология и отличается тем, что другие науки пользуются объективными методами, а психология пользуется самонаблюдением.

Но этот прекрасный метод ставит перед нами загадки, которые мы должны разгадать. Он оставляет за человеком свободу представлять себе природные процессы как угодно. Но для психологической науки важно иметь не какие-то неопределенные представления, а – точные, научные, объективные. Значит, самонаблюдение – это великое дело, оно дает ровно столько, сколько необходимо для решения той или иной жизненной задачи – и ничего больше.

Я мог бы высказать очень много простых положений. Так или иначе, психология исходит из того, что психические явления есть явления субъективного отражения реальности, существующей независимо от них. Она исходит из того, что эти психические явления, процессы порождаются ходом развития самой жизни, жизни организмов, что они играют в ней активную роль. И, наконец, последнее положение: психические явления развиваются в ходе эволюции, в ходе человеческой истории, качественно изменяются.

Так можно было бы подытожить сказанное выше относительно общенаучных, философских представлений о психике, имеющих отношение и к психологии.

Я хочу сделать еще один шаг, очерчивая сходные положения в психологической науке, и этот шаг, необходимость его, возникает из того, что я уже сказал и сейчас кратко подытожил: я говорил о том, что психические явления – это явления жизненные, продукты развития жизни. Следовательно, они существуют только у живых организмов, у живых существ. Действительно, когда мы говорим о психических явлениях, то всегда имеем в виду, что эти психические явления присущи только тому или иному субъекту, тому или иному живому организму. А это значит, что для того, чтобы возникло то или другое психическое явление, необходимо наличие живого, телесного субъекта, обладающего необходимыми органами: ощущения, движения, действия и, конечно (и это прежде всего), специальными органами, или системой органов, которые обеспечивают связь, взаимосвязь этих воздействий и взаимосвязь их воздействия и реакций на эти воздействия. То есть обеспечивают и активную роль психических явлений, и их порождение.

Надо, следовательно, признать необходимость существования телесных субъектов, имеющих определенные органы, имеющих обязательно центральную нервную систему, на известных ступенях развития жизни – мозг. Без телесного субъекта со свойственной ему морфофизиологической организацией, без наличия работающих органов и, как я уже сказал, центральной нервной системы – мозга, в широком значении этого термина, – никакого психического отражения, существования психики невозможно!

Поэтому всяческие психические явления и психические процессы можно считать необходимым результатом работы, функционирования этой системы органов, формирующихся в ходе развития жизни субъекта. Если говорить коротко, то психика является результатом, функцией мозга. Я еще раз подчеркиваю, что, когда я говорю «мозг», я имею в виду и другие системы человека, или, если не все системы, то ряд систем. Поэтому, если говорить об отраже-

нии мира как продукте жизненного анализа, то нужно сказать, что психика является функцией мозга. В зависимости от структуры мозга и его функций действуют и психические процессы. Но в этом также принимают участие и другие органы.

При нарушении мозговой деятельности расстраивается и нормальное течение психических процессов, иногда даже самых простых, иногда сложных и очень сложных. Это зависит от характера поражений и изменений функций работающего мозга. Но если нарушаются мозговые процессы, это вызывает изменения в отражении реальности и накладывает на него ограничения. Здесь речь идет не о любом нарушении, а о некоторых нарушениях. Но эти связи налицо и они легко доказуемы.

Итак, психика есть функция мозга, телесных органов животных и человека. Это ставит перед нами, надо сказать, очень сложную проблему, над решением которой человечество билось на протяжении многих веков и вокруг которой высказываются различные взгляды, ведутся оживленные дискуссии.

Проблема эта рождается из того обстоятельства, о котором я только что говорил. Давайте вернемся к нему на одну минуту. Я говорил о том, что психические явления и процессы не могут быть ничем иным, как функцией телесного субъекта, его морфофизиологической организации. Но что такое эта морфофизиологическая организация? Ведь исследование процессов, происходящих в органах человеческого тела и в его мозге, составляет предмет особой науки – физиологии. Если речь идет о структуре, то это также предмет изучения морфологии микроскопической и макроскопической; в частности, физиология и морфофизиология изучают также и те механизмы, которые реализуют, осуществляют, иначе говоря, эти психические процессы, процессы поведения, процессы отражения мира, и явления управления этими образами, действиями, поведением животного и человека. Какой богатый и многообразный материал!

Следовательно, существует такой раздел физиологии, который занимается этими специальными процессами. Не перистальтикой кишечника или основным обменом, а множеством других явлений в организме, которые мы наблюдаем. Не всеми этими системами органов, которые представлены в организме, а главным образом теми процессами физиологическими, которые реализуют, выполняют, порождают явления, составляющие предмет изучения психологии, природу которых мы не знаем до конца, в которую мы еще не проникли. Это наше ближайшее будущее, и, наверное, в курсе общей психологии нам удастся проникнуть в природу этих явлений.

Я поставил перед вами сложную методологическую проблему, к которой мы должны еще вернуться. Чтобы рассмотреть эту проблему более подробно, нужно сделать некоторые шаги в ее исследовании. А пока в заключение я ограничусь лишь простой иллюстрацией, не для того, чтобы вы записали, а для того, чтобы заставить вас подумать над более подробным рассмотрением этой психофизиологической проблемы.

Представьте себе, что у архитектора возник замысел: он создает архитектурное произведение. Что значит «создать это произведение»? Это значит построить здание. По каким законам будет реализоваться этот замысел? Я думаю, все одинаково ответят на этот вопрос: здание нужно строить, подчиняясь законам механики. Только эти законы могут объяснить, как построить это здание и какие возможности открываются для дальнейшего творчества в области создания архитектурных сооружений подобного рода. Но вы не можете законами механики описать это архитектурное сооружение. Для характеристики этого сооружения вы обратитесь к такому понятию, как архитектурный стиль, к эстетическим категориям, иногда к категориям экономическим.

И теперь некоторое обобщение, ибо иллюстрации недостаточно. Наивные представления о предмете человеческого познания, предмете какой-либо науки заключаются в том, что каждая наука изучает определенный круг вещей и их свойства. Но на самом деле это не так. Предмет науки – это вещь, взятая в известной системе отношений, в известном взаимодействии.

Еще лучше сказать – в каком-то движении. И каждая наука изучает то, как вещь проявляется в этих особых отношениях и связях, этих взаимодействиях, в этом движении, движении материи. Значит, не с вещами имеет дело наука, а с вещами, взятыми в тех или иных отношениях, в той или другой логике: в логике истории, развития культуры они получают одну характеристику, а в логике, например, технологического анализа – иную характеристику. Значит, вещь может быть исчерпана только многими науками.

Да, психология и физиология имеют дело с одними функциями, но только в разных взаимосвязях. Для физиологии и психологии эти отношения различны. Здесь имеются разные взаимодействия и законы, которые открывают вещи в разных формах движения материи.

Конечно, эти общие процессы, например процесс мышления, могут быть сведены к какому-то физиологическим, молекулярным и межмолекулярным процессам, но здесь придется повторить старинную мысль: мышление подчиняется законам логики. Подчиняется? Да, по-видимому. А эти законы подчинены мозгу? Нет, законы логики порождены не мозгом, они порождены опытом человеческих действий, опытом человеческого познания, накопленным опытом повседневной практики человечества. Они порождены миром, то есть всеми теми отношениями, в которые вступает человек. Мозг лишь реализует эти законы логики по своим собственным физиологическим законам.

На этом я сегодня закончу. Последняя проблема, которая была поставлена, очень сложна, потому что затрагивает коренные вопросы психологии. Но о ее немедленном решении сейчас не может быть и речи, потому что это решение можно сделать лишь на основании серьезных научных рассмотрений той реальности, которая является предметом психологической науки. Это решение может быть представлено в виде формулы, которую я могу привести. Но я не буду этого делать, потому что мы должны вместе прийти к правильному решению этой и других проблем, с которыми вы будете сталкиваться. А что касается приведенного примера об архитектуре и законах механики, предлагаю вам подумать над ним на досуге.

Лекция 2

История развития взглядов на психические явления

Первая лекция нашего курса была посвящена выявлению специфических особенностей психических явлений. Ответ на этот сложный вопрос, разумеется, мог быть дан лишь в самой общей форме. Я подчеркнул, что наиболее характерной функцией психических процессов является отражение, что под отражением понимается особая, субъективная форма отражения реальности, возникающая на определенном этапе биологической эволюции¹. Тем самым мы отнесли психические явления к широчайшему кругу **жизненных** явлений. Психические явления и процессы порождаются в ходе развития жизни и необходимы для жизни. И именно потому, что их порождение и развитие неотделимо от эволюции живых организмов, они представляют собой функцию организма или, более специально, функцию мозга.

Из этих положений вытекает предварительное определение предмета психологической науки:

Психология представляется наукой о законах порождения и функционирования психического отражения в жизни, в деятельности живых индивидов.

В качестве предварительного это определение существенно во всех своих элементах, хотя, как и всякое определение, оно отнюдь не является исчерпывающим и нуждается в гораздо более подробном развитии того, что за ним скрывается. Тем не менее, оно представляется мне резюмирующим итоги развития научной мысли, касающейся природы столь близких нам и вместе с тем столь загадочных психических явлений.

Существуют разные пути, по которым может идти их исследование. Прежде всего, это путь изучения истории развития представлений о психике. История развития представлений о природе душевных явлений очень поучительна именно для понимания их сущности. Открывается и другой путь исследования. Идущие по этому пути также изучают развитие, но не истории воззрений на природу психического, а самого психического отражения, то есть занимаются изучением истории самих психических явлений. Третий путь – это путь систематического исследования фактов, характеризующих психические явления и процессы.

По какому же пути нам лучше всего пойти? Я думаю, что решение вопроса вовсе не сводится к выбору какого-то одного пути. По-моему, следует идти и по одному, и по другому, и по третьему.

Сегодня речь пойдет об истории развития взглядов на психические явления. Но я сразу же отмечу, что вовсе не собираюсь давать подробное изложение развития психологии как науки. Это задача специального курса истории психологии. Я ограничусь лишь упоминанием о том, как впервые возникли представления о душевных явлениях и как ставились основные проблемы, с которыми сталкивалось человеческое познание, направленное на решение вопроса о природе этих явлений.

Психология как наука имеет очень длинную предысторию и очень короткую историю своего развития в качестве самостоятельной области научного знания. Если проблема психического более двух тысячелетий приковывала к себе внимание философов, то история психологии как позитивной науки не насчитывает и полтора столетия. Наша наука и старая, и молодая. Старая, если мы будем рассматривать как историю психологии всю историю развития воззрений на природу психических явлений, и молодая, если говорить об их конкретном исследовании. Еще на заре человеческого познания люди настойчиво искали ответа на вопрос: «Что же представляют собой эти странные явления?»

¹ Термин «субъективная форма отражения» имеет такие аналоги, как «субъективный образ» или «психический образ». – Авт.

В прошлом, как и сейчас, люди были в состоянии интуитивно отделить эти явления от объективных, то есть тех, которые мы наблюдаем вне себя. И этот вопрос, который в той или иной форме может встать перед каждым мыслящим человеком, занял видное место в системе философских воззрений прошлого. Довольно рано философская мысль сформулировала несколько важнейших проблем, относящихся к природе душевных явлений. Эти проблемы не являются достоянием прошлого. Они живут и оказывают влияние на развитие психологии как области конкретного знания. Так, в античной философии зарождаются два противоположных подхода к пониманию природы психического, борьба между которыми продолжается и по сей день. Философы, придерживающиеся одной линии, исходили из предположения о существовании объективного мира. С их точки зрения, психические явления зависят от материальных явлений. Иными словами, материя первична, а психика вторична. Эта линия известна в истории философии как линия материализма. В античной философии она была наиболее ярко представлена Демокритом, и мы обычно говорим о ней как о линии Демокрита, линии материалистического подхода к душевным явлениям.

Представители другой линии провозглашали первичность духовного мира, рассматривая материальные явления как порождения этого особого мира, то есть они утверждали, что психика (или – более широко – особое духовное начало) первична, а материя вторична. Эту линию идеалистического подхода к психическим явлениям часто называют линией Платона.

Борьба этих двух линий и составляла важнейшее содержание развития философской мысли в последующие два тысячелетия. Однако было бы грубой ошибкой понимать эту борьбу упрощенно, то есть, разделив философов на два лагеря, пытаться все богатейшие направления философской мысли уместить в эту жесткую внешнюю схему. Бесспорно, что философы разделились на два лагеря: лагерь материализма и лагерь идеализма. Но из этого бесспорного положения вовсе не вытекает, что борьба этих двух линий, этих двух основных тенденций просто делила философские системы на две части. Все было гораздо сложнее. И если мы ретроспективно прослеживаем воззрения великих философов, то часто находим в одних и тех же теоретических представлениях противоречивые элементы. Таким образом, борьба двух тенденций выступает в истории не как внешнее столкновение двух различных систем, а как внутренняя противоречивость философских воззрений.

Свое классическое выражение это явление нашло в системе одного из виднейших представителей античной философии – Аристотеля. Аристотель, в известном смысле, развивал линию Демокрита. Именно ему принадлежит тезис: «Если бы не было осязаемого, то не было бы и ощущений». Следовательно, в системе воззрений Аристотеля признавалось существование объективного мира как источника ощущений. Тезис о том, что ощущение не может возникнуть без наличия осязаемого, является безусловно материалистическим тезисом. Но в системе Аристотеля присутствует и линия Платона. Решая вопрос о том, в каких формах существует материя, в каких формах она выступает перед воспринимающим субъектом, Аристотель пришел к выводу, что эти формы имеют вневещное, то есть духовное, происхождение. Трудно переоценить влияние теоретических воззрений Аристотеля на развитие проблемы психического. Некоторые понятия, введенные Аристотелем, сохранили свою актуальность до нашего времени. К таким понятиям относится понятие ассоциации. Мы до сих пор говорим об ассоциациях и воспроизводим наблюдения, подытоженные в аристотелевской системе. Нам известны те явления, которые послужили основанием для выделения понятия «ассоциации» (связи). Ассоциации впечатлений или ощущений возникают, если события, вызывающие эти ощущения, были либо близки во времени, либо схожи друг с другом, либо, наоборот, одно событие резко противоречило другому (ассоциация по контрасту). Все эти представления в той или иной форме живы, живы до наших дней. И термин «ассоциация», изменив свое первоначальное значение, относится к числу капитальных психологических понятий.

Я подчеркиваю этот момент, говоря о значимости введенного Аристотелем понятия, чтобы еще раз подкрепить ранее высказанный тезис: «История философских воззрений поучительна, и ее нельзя перечеркивать». Было бы в высшей степени неразумно занимать позицию не знающего родства, потому что многие из проблем, поставленных мыслителями прошлого, превратились в собственно психологические проблемы.

Я позволю себе совершить скачок во времени, так как мы занимаемся не последовательным изложением истории, а лишь расставляем вехи по пути развития философской мысли. Наше понимание предистории психологии как конкретной науки, да и современной психологии, неразрывно связано с именем крупнейшего философа нового времени Рене Декарта. Когда вспоминают Декарта, то в памяти очень часто всплывает латинское слово «*cogito*», так как именно Декарту принадлежит знаменитый тезис: «*Cogito ergo sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую»). За этим тезисом лежит целое мировоззрение. Декарт провел отчетливую границу между двумя мирами: миром психических явлений и миром материальных явлений. Один мир – это тот мир, который мы находим в себе. Декарт называет этот мир миром мышления, понимая под мышлением всю совокупность психических явлений. Он неоднократно пояснял свой тезис, подчеркивая, что под мышлением понимаются также процессы восприятия, запоминания, чувствования, – словом, вся психическая жизнь. Декарт поместил мир психических явлений внутрь субъекта. Мы обнаруживаем этот мир тогда, когда ставим перед собой определенную задачу. Мы не просто мыслим, а находим себя мыслящими, находим себя воспринимающими, «находим себя...», то есть открываем для себя мир психических явлений. В этом «находим себя...», по-видимому, кроется ключ к пониманию расширительного толкования термина «мышление» как рефлексии (отражения) своей внутренней жизни.

Кроме мира психических явлений, существует мир вне нас, **мир протяжения**. Можно ли измерить мысль или чувство? Обладают ли они теми признаками протяжения, которые присущи объективным телесным явлениям? Декарт отвечает на этот вопрос отрицательно и использует критерий протяжения как основу для разделения двух миров.

К этому разделению мы испытываем двоякое отношение. Оно ценно, так как вначале привело к подчеркиванию своеобразия психических явлений и отразилось на последующем развитии психологии, способствуя отъединению или, точнее сказать, обособлению внутреннего субъективного мира от внешнего объективного. Декартовское разграничение двух миров заслуживает самого пристального внимания. И внешний мир, и собственное тело человека, и действия человека, разумеется, принадлежат к миру протяжения. Но что тогда остается на долю внутреннего мира, который действительно не имеет никакой метрики, никакой протяженности? Куда же нам тогда отнести эту тончайшую плоскость, эту сцену, на которой разыгрывается спектакль непрерывно сменяющихся друг друга психических явлений? В рамках концепции Декарта сознание оказывается обособленным, превращается в замкнутый, изолированный от жизни мир. Изолированный от жизни, потому что жизнь – это жизнь тела, потому что жизнь – это жизнь в среде, потому что жизнь – это действие! Жизнь – это активный процесс, который выступает как утверждение существования со стороны всякого субъекта поведения, и в особенности человека. Жизнь как утверждение представляет собой практический, а следовательно, материальный процесс. Если мы отрываем от этого практического процесса сознание, то оно неизбежно оказывается замкнутым в свой собственный круг. Таким образом, положение об обособленности психического мира вступает в противоречие с нашим основным положением, согласно которому психические процессы суть жизненные процессы, порожденные в ходе эволюции и отражательные по своей природе. Идея Декарта о мире сознания, как обособленном от мира протяжения, получила свое развитие применительно прямо к психологии и в интересах психологии. Рядом с Декартом мне хочется поставить еще одно имя, значимое не только для истории философии, но и для всей истории развития человеческого позитивного знания. Я имею в виду... И.Ньютона. Ньютон, главным образом, вошел в историю

человеческой мысли как один из представителей точного знания, основатель ньютоновского мировоззрения в физике. Из поля зрения историков, по-видимому, выпала одна сторона его деятельности. Дело в том, что Ньютон тоже не был равнодушен к проблеме психического. Он задумывался над природой странных психических явлений. Эти странные явления, одновременно и самые близкие к нам, и самые трудные для познания, мало достижимы для научного анализа. Ньютон мечтал о точной психологической науке, обладающей столь же могучей силой предвидения, как физика, и задавался вопросом: «Как проникнуть в мир странных психических явлений, которые причудливо мерцают в нашем сознании?» Они то ярко вспыхивают, то исчезают, словно покрытые облаками. Ньютон отлично сознавал, что задача анализа психических явлений равна по трудности, если не труднее, задачи проникновения в мир вселенной. Во Вселенной мы также наблюдаем мерцающие светила, которые время от времени скрываются за тучами. Несмотря на всю сложность и отдаленность мира Вселенной, мы ухищраемся не только проникнуть в него с помощью непосредственного наблюдения, но и обработать разумом добытые эмпирические факты, придавая им математическую форму. А не сможем ли мы приложить тот же метод к анализу мира психических явлений, то есть воспользоваться методом наблюдения для изучения законов внутреннего мира? Такова была мечта Ньютона.

В самом начале XIX века мечта Ньютона неожиданно нашла живой отклик в работах знаменитого германского педагога и психолога Гербарта. С точки зрения Гербарта, реальность, которую мы наблюдаем в себе, есть *представления* и их движения. Течение представлений обусловлено силовыми отношениями между представлениями и, следовательно, может быть математически описано точно так же, как в физике описывается движение небесных тел. Гербарт был глубоко уверен, что такой путь, ньютоновский путь познания, сможет привести к раскрытию совершенно особого мира психических явлений. Попытка Гербарта заранее была обречена на неудачу, так как он не учел специфики мира субъективных явлений. В мире Вселенной господствуют свои внутренние законы, и для анализа этих законов нет необходимости привлекать некую третью силу, так как все силы, управляющие этим миром, находятся в нем самом. Мы никак не можем воспользоваться тем же методом анализа, то есть наблюдением, для изучения внутреннего мира, так как явления этого мира обнаруживают прямую зависимость от воздействий, которые не принадлежат самому микромиру, а являются внешними по отношению к нему. Всякое движение представлений теснейшим образом связано с движением тех явлений, которые уже не принадлежат миру психических процессов. Мы видим мир и представляем его, но, по-аристотелевски говоря, для того чтобы у нас возникло представление, необходимо наличие какого-то представляемого, лежащего вне мира сознания.

Вам еще не раз придется встречаться с теорией Гербарта, описывающей механику наших представлений, но вряд ли вы найдете в литературе упоминание о том, что идеи Гербарта были репликой на *великую мечту Ньютона*, который, в сущности, впервые сформулировал принцип: *обрабатывайте разумом субъективные явления и вы откроете законы, управляющие миром нашего сознания.*

Борьба материалистических и идеалистических тенденций, отражавшая в очень сложных формах борьбу противоположных идеологий, породила некоторые идеи, оказавшие значительное влияние на судьбу нашей науки. Мне придется выхватить из истории еще несколько проблем, без которых трудно было бы представить некоторые направления современной психологии.

В конце XVIII века появилась группа философов, пытавшихся вывести психические явления прямо из работы мозга. Философы этой группы, несомненно, представляли материалистическую линию развития, так как они придерживались тезиса о первичности материи и познаваемости объективного мира. Это направление известно в истории философии как направление метафизического и механистического материализма. Оно изображало человека со всеми его горестями и радостями по аналогии с машиной. Один из первых пред-

ставителей этого направления, французский врач и философ Ламетри броско назвал свою основную работу «Человек-машина», отразив этим названием самую суть французского материализма. Философы этой школы, сравнивая человека со сложным механизмом, пытались объяснить поведение человека, исходя из устройства его организма, о котором в те времена знали довольно мало. Вывести психику из устройства мозга, по сути, означает свести ее к этому устройству. Перед нами две стороны одной медали. И в настоящее время нам нередко приходится встречаться с теориями, выводящими психику из устройства и работы человеческого мозга. Если мы примем подобную точку зрения, то психология как бы уничтожается; она лишается своего предмета, превращаясь в физиологию, биологию и т. д. А то, что пока не могут объяснить естественные науки, остается на долю психологии как временной науки, которая, описав некоторые явления и процессы, должна передать их для истинно научного изучения в руки физиолога... Таким образом, идеи механистического материализма, приняв более утонченные и скрытые формы, перекочевали в наш век. Психика, конечно, является функцией мозга. Но в каком отношении она находится к «мозговым» процессам? Можно ли из законов работы мозга вывести законы психической деятельности? Вот в чем вопрос!

В заключение я должен остановиться еще на одном представителе крупной философской школы – епископе Джордже Беркли. Беркли считают одним из основоположников субъективного идеализма. Это направление представляет особый интерес, так как отправляется от очень важного и сугубо психологического положения: первая реальность, с которой мы сталкиваемся, есть ощущения. Тех философов, для которых это положение является отправной точкой философских построений, называют сенсуалистами. Отец сенсуализма Джон Локк емко выразил кредо этого направления, сказав: «В интеллекте нет ничего, что бы не прошло предварительно через органы чувств». Тезису Локка, утверждавшему, что формирование образов, представлений и понятий возможно только на основе наших ощущений, можно придать двоякий смысл. Материалистически понятый, он означает, что ощущения – неперенный источник нашего познания. Но тот же самый тезис принимает принципиально иную окраску в контексте представлений субъективного идеализма (или агностицизма). Представители субъективного идеализма задают следующий вопрос: «В качестве первоначального источника наших знаний выступают ощущения, но что лежит за ощущениями? Чем они вызываются? Мы видим причину, породившую посредством ощущений образ того или иного явления. Но дело в том, что об этой причине я могу получить информацию через все те же ощущения». Итак, образуется замкнутый круг. Если круг Декарта замыкает и изолирует от внешнего мира сознание, то круг Беркли – это круг, изолирующий ощущения. В концепции субъективного идеализма ощущение приобретает самостоятельное, обособленное от действительности бытие, то есть оно существует без ощущаемого. При такой интерпретации локковского тезиса наши органы чувств уже не выступают в роли своеобразных окон в мир, уже не связывают нас с окружающей действительностью, а, скорее, отделяют, отгораживают нас от внешнего мира. Тогда психические явления становятся чисто субъективными явлениями, «чисто» в том смысле, что за ними не стоит ничего, кроме субъективности. Я вижу вас на основе тех данных, которые поставляют мне органы чувств.

Я могу посмотреть на объект под другим углом зрения, и тогда он изменится, но ведь и о своем движении я узнаю все от тех же ощущений. Если твердо придерживаться логики субъективного идеализма, то мы придем к парадоксальному заключению о единственности существования меня как субъекта. Как субъективный идеализм приобретает иные формы, так и механистический материализм еще не сошел с арены истории.

И, наконец, несколько слов о том этапе истории, когда психология стала выходить из недр философии и разрабатываться как самостоятельная наука. Отмечу, что психология покинула материнское лоно гораздо позднее, чем другие естественные науки. Она начала развиваться как область конкретных знаний где-то в середине девятнадцатого столетия. Решающее

значение для зарождения и развития психологии как самостоятельной науки имел следующий призыв, адресованный к исследователям природы психических явлений. Ученые, бросившие этот клич, утверждали, что психология должна порвать с умозрительными, чисто философскими построениями и перейти к экспериментальному анализу, сконструированному по образу и подобию естественных позитивных наук. Эта идея стала поворотным пунктом в развитии психологии как области конкретного научного знания.

Лекция 3

Становление психологии как самостоятельной науки

В прошлый раз я остановился на том положении, что только в XIX столетии психология стала формироваться в качестве относительно самостоятельной конкретной области знания. Первые шаги к этому были сделаны, так сказать, по образцу естественных наук и, прежде всего, в связи с успехами изучения работы человеческого организма – с успехами физиологии, анатомии и ряда других областей естественнонаучного знания.

Первые значительные работы, сыгравшие важную роль в формировании психологии как самостоятельной области знания, относились к разделу или, вернее, к проблеме, которую до настоящего времени называют проблемой психофизики. О чем же идет речь, когда мы говорим об первоначальных психофизических исследованиях? Они касались относительно простых процессов, а именно процессов ощущения. Содержанием этих исследований являлась проблема *соотношения воздействия на органы чувств человека и эффекта, то есть самого ощущения*, вызываемого этим воздействием.

Подход, который позволил решить или приблизиться к решению этой проблемы, собственно, был очень прост: менялось свойство, воздействующее на испытуемого, на человека (прикосновение; физический раздражитель, приложенный к коже человека, световое воздействие, то есть воздействие отраженных объектом лучей на глаз; воздействие звуковое и т. д.). Возник вопрос: в каком соотношении находятся вот это воздействие и ощущение? На этом пути был установлен целый ряд важных положений, к которым мы еще будем возвращаться в ходе нашего курса, я укажу лишь на некоторые в качестве иллюстрации. Так, была получена первая, достаточно строгая классификация видов ощущений и отвечающих им органов чувств, рецепторов. Второе (это был фундаментальный вклад) – была открыта возможность изучения количественного соотношения между воздействием, то есть силой воздействия, и самим ощущением, его силой.

Основоположником психофизики Г.Т.Фехнером были разработаны методы измерения порогов ощущений. Под порогом ощущений Фехнер понимал минимальные изменения интенсивности раздражителя, вызывающие ощущения или изменения ощущений. Наконец, на основании многочисленных измерений в лабораторных исследованиях был выдвинут очень важный, так называемый «основной», психофизический закон, согласно которому между рядом интенсивностей раздражителя и рядом ощущений существует логарифмическая зависимость, то есть если интенсивность раздражителя нарастает в геометрической прогрессии, то ощущение наращивается в прогрессии арифметической.

Исследования в области психофизики доказали, что возможен количественный подход к психическим явлениям, что субъективное явление можно измерить (в каких единицах – это уже другой вопрос), и тем самым положили начало психологии как экспериментальной науке.

Приближение к психологии как к экспериментальной науке шло и с других сторон. В 60-х годах прошлого века велись исследования скорости протекания процессов, которые по своему субъективному выражению относятся к категории психических. Эти исследования известны в истории психологии как исследования времени реакции. Толчком к этому послужили работы астронома Бесселя, который, исходя из практических соображений, заинтересовался следующим вопросом: «Почему при обнаружении момента прохождения светила через координационную отметку телескопа возникает разница в данных, полученных различными наблюдателями?» Оказалось, что скорости протекания процессов реагирования от момента появления события (перехода звезды через координационную отметку) до регистрации этого события у разных наблюдателей различны. Так впервые встала проблема изучения времени реакции наблюдателя, которая впоследствии стала разрабатываться Дондерсом на материале

более сложных явлений. Исследовалась скорость простой реакции, а затем измерялась скорость реакции в условиях выбора, то есть когда на один раздражитель надо было отвечать, скажем, нажатием на правый ключ, а на другой – нажатием на левый ключ. Исследователи исходили из довольно наивных соображений такого рода: чем сложнее реакция, тем больше она требует времени, и, следовательно, этот прирост времени происходит за счет процесса переработки, то есть психического процесса (выбора, узнавания и т. д.).

В конце прошлого века появились экспериментальные исследования памяти, проводимые Эббингаузом и Раншбургом, в которых также измерялись количественные характеристики памяти. В этой связи, начиная со второй половины XIX века, появляются первые психологические лаборатории и институты, представлявшие собой экспериментальные психологические учреждения. Так, в Лейпциге Вильгельмом Вундтом была создана первая такая лаборатория экспериментальной психологии. В. Вундт, ученик Г. Гельмгольца, в своих исследованиях поставил ряд кардинальных психологических проблем, касавшихся самых различных областей психологии. Труды Вундта, как и его учителя Гельмгольца, до сих пор обсуждаются не только в психологической, физиологической, но даже и в философской литературе. Вслед за лейпцигской лабораторией Вундта в Соединенных Штатах Америки в 1883 году был открыт Институт экспериментальной психологии, а немного позднее открываются экспериментальные психологические лаборатории в России (1886) и во Франции (1889).

Таким образом, к концу прошлого столетия экспериментальная психология отчетливо выделилась среди других наук. Эта психология стояла перед задачей создания объективных методов исследования психических явлений, которые, как я уже говорил, строились по образцу методов естественных наук. Превращение психологии в экспериментальную науку как бы снимало ее исключительное положение среди других наук. Напротив, всячески подчеркивалось, что психология принадлежит к числу столь же конкретных областей знания, как и естественные науки. Однако это вовсе не означало, что была решена проблема очерчивания предмета и методов психологии, а также проблема природы психических явлений. Напротив, развитие экспериментальной психологии лишь заострило нерешенные проблемы, касающиеся самого предмета психологической науки.

Здание психологической науки оказалось как бы расколотым надвое. С одной стороны, шел тщательный подбор экспериментальных фактов, а с другой стороны, непрестанно велись попытки осознать значение получаемых фактов и соотнести их с какими-то общими представлениями о природе психических явлений.

Одной из самых трудных проблем, которая была в центре внимания психологов конца XIX и начала XX веков, можно считать *проблему соотношения физиологических процессов, совершающихся в мозгу человека, и психических явлений, доступных наблюдению самого субъекта*. Приведем пример наиболее распространенного в те годы решения этой проблемы. Психические явления (ощущения, восприятие) образуют особый ряд явлений, который связан с рядом вещественных проявлений, происходящих в мозге и в органах чувств по принципу параллельности протекания. Такое решение этой проблемы вошло в историю под именем психофизического или, как иногда говорят, психофизиологического параллелизма. Существовали различные варианты, уточняющие подобные представления о соотношении субъективного и объективного рядов, но все они не выходили за рамки основного принципа – принципа параллельности. При таком решении проблемы соотношения психических и физических явлений психический ряд оказывается ненужным привеском, то есть психическим явлениям отводится роль побочных явлений, сопровождающих физические, физиологические процессы. Такой подход к проблеме соотношения психического и физического рядов порождает представление о том, что психические явления сами по себе не имеют никакого значения. Это не феномены, а эпифеномены, то есть побочные явления, сопровождающие объективные процессы и так же

мало вмешивающиеся в их ход, как, например, тень, отбрасываемая пешеходом, влияет на движение его ног.

Решение психофизической проблемы в духе психофизического параллелизма, расчленение мира психических и мира физических явлений на две самостоятельные, независимые друг от друга области привело к идее о том, что существует не одна, а две психологии – «объяснительная» и «описательная». Давайте, для того чтобы поподробнее разобраться в причинах, порождающих возможность такого расчленения психологии, разберем два типа описания психического явления. Я беру и передвигаю микрофон, стоящий передо мной на столе, то есть совершаю некоторое движение. Если я замечаю какое-нибудь движение, то его объяснение с позиции «объяснительной» психологии заключается в прослеживании процессов, начинающихся с воздействия внешних раздражителей, которые затем преобразуются в соответствующие нервные, то есть объективные, процессы.

Однако куда при таком объяснении девается психическая реальность, куда исчезают те события, которыми насыщен наш субъективный мир? При таком «объективном» объяснении для них просто не остается места, и против него в первую очередь восстает наш здравый смысл. Как правило, в нашей обычной речи мы говорим: «Я сделал то-то и то-то, вследствие того что...» («У меня опустились руки, потому что я впал в отчаяние»), то есть мы вначале указываем на какое-либо внешнее, доступное непосредственному наблюдению событие («у меня опустились руки...»), а затем указываем на тот или иной субъективный образ или переживание («...я впал в отчаяние»), обусловившее это событие. Таким образом, в нашей речи содержится расчленение на субъективное явление, с одной стороны, и способ выражения этого явления – с другой. Представители «описательной» психологии, науки о духе, к которым относятся такие ученые как В.Дильтей и Э.Шпрангер, настаивают на том, что основная задача психологии заключается в описании субъективных явлений, так как никакого другого метода, кроме описания, «описательная» психология не признает. Итак, в начале XX века среди психологов, явно или скрыто придерживающихся формулы параллелизма, оформляется идея о существовании двух типов психологии. Одна психология – это «объяснительная» психология; она должна заниматься изучением физиологических явлений и, следовательно, относится к классу естественных наук.

И другая психология – это «описательная» психология. Проблема расчленения психологии на «описательную» и «объяснительную» не умерла и до сих пор продолжает обсуждаться.

Что касается общего характера и философского смысла этих отдельных направлений, то они воспроизводили и воспроизводят в себе те две классические линии в философском понимании душевных явлений, о которых я говорил. Это линия материалистическая и линия идеалистическая.

Какие же направления выражали борьбу этих двух линий?

Прежде всего, родилось направление так называемой «объективной» психологии, которая провозгласила следующий лозунг: «Мы, психологи, должны изучать лишь объективно регистрируемые процессы, то есть изучать психику человека, не обращая ни к внутреннему опыту, ни к каким-либо внутренним переживаниям. С точки зрения представителей «объективной» психологии, психология человека должна быть построена по типу психологии животных. Мы не можем спросить у животного о том, ощущает оно что-нибудь или нет, испытывает оно какие-либо чувства или нет. Животное безмолвно и не может дать никаких показаний. Поэтому исследование психики животных сводится к изучению различного рода объективных процессов, причем не только физиологических и биохимических, но и процессов поведения, поддающихся непосредственному наблюдению. Среди пионеров объективной психологии в первую очередь следует отметить Э.Торндайка. В 1898 году Торндайк выпустил в свет монографию «Интеллект животных», которая, без сомнения, может быть расценена как образец

подхода, характерного для «объективной психологии»². Впоследствии эта линия исследования развернулась в целое мощное направление, вошедшее в историю психологии под термином «бихевиоризм». Появились новые имена. Среди них нужно назвать, конечно, Джона Уотсона. С точки зрения Уотсона и его сторонников, начавших новую эру в психологии, психология не может быть ничем иным, как учением о поведении животных и человека. Что же касается явлений сознания, то они не являются и не могут быть предметом конкретной науки. Сознание было выброшено из психологии, а на его место встало поведение, которое рассматривалось как научение, то есть образование навыков. Так, речь человека, рассматриваемая с позиций бихевиоризма, представляет собой систему навыков, ничем не отличающуюся по сложности от различных других систем навыков. Мышление тоже не представляет собой исключения и характеризуется как навык, не имеющий внешнего громкого речевого выражения. Уотсон даже предложил схему формирования мыслительного навыка: «громкая» речь → «шепотная» речь → «беззвучная» речь. Беззвучная речь, по мнению Уотсона, и есть мышление.

Решение проблемы эмоциональных переживаний также не вызвало у Уотсона особых затруднений. Он квалифицировал их как реакции, меняющиеся под влиянием индивидуального опыта, то есть научения. Эмоциональные реакции также нашли свое место в системе навыков и были приравнены к секреторным и двигательным реакциям. В одном из первых изданий книги Уотсона «Психология как наука о поведении» глава об эмоциях называлась, по-моему, «О поведении внутренностей». Впрочем, все это вовсе не так смешно, это весьма трагично. Конечно же, когда человека охватывает страх, то появляются спазмы пищевода, желудка, выступает холодный пот, расстраиваются движения и т. д. Если отнести все эти реакции проявления страха к поведению, то они, исходя из самого определения психологии как науки о поведении, превращаются в объект изучения психологии. Весь трагизм бихевиористского подхода к психологии заключается в утрате такого богатого феномена как сознание. Жив ли сейчас бихевиоризм? Жив, хотя и изменил свои формы.

Я каждый раз ставлю вопрос: «Жива ли проблема? Живо ли направление?» – для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что, говоря об истории, я излагаю в историческом плане все то, что входит в современную психологию. Проблемы, вставшие в истории психологии, могут изменить свою форму, но они остаются, так как каждая из проблем или каждое из направлений оставляет свой след в истории. Историю вообще нельзя себе представлять как историю заблуждений. Даже заблуждение в науке выступает как вклад в ее развитие, так как анализ этих заблуждений предохраняет нас от ошибок.

Наряду с бихевиоризмом в начале XX века возникает еще одно течение в русле немецкой психологии, противоположное по своим теоретическим установкам бихевиоризму. Это направление, связанное с именем О.Кюльпе, получило название Вюрцбургской школы. Вюрцбуржцы предприняли попытку экспериментального анализа таких внутренних, собственно психологических процессов, как воля и мышление. Исследования представителей Вюрцбургской школы, основанные главным образом на методе самонаблюдения, доказали, что даже такие сложные психические процессы, как мышление и воля, доступны экспериментальному анализу. Иногда Вюрцбургскую школу называют школой «безобразного мышления», так как ее представители особенно акцентировали внимание на факте существования мыслительного процесса, протекающего без привлечения образов. В частности, решение элементарных мыслительных задач может происходить без опоры на чувственные образы. Примерами таких «безобразных» актов могут служить элементарные умозаключения и суждения.

Надо сказать, что Вюрцбургская школа, основываясь на данных, которые были получены в этом своеобразном эксперименте с самонаблюдением испытуемых, выявила еще одну сторону исследуемых ею процессов. Оказалось, что объяснение течения внутренних процес-

² Thorndike E.L. Animal intelligence. Psychological Review. Monograph Supplement, 1898.

сов требует констатации известной тенденции, которая определяет этот процесс. Процесс всегда имеет направленность, и эта направленность есть детерминирующий фактор. Поэтому эта направленность была охарактеризована как детерминирующая, то есть определяющая, тенденция. Определяющая что? Что детерминирующая? Направление и ход самого процесса. Была выдвинута интересная идея: эти процессы, мыслительные в частности, которые разыгрываются как процессы психические, движутся не просто воздействием стимула, но непременно предполагают какую-то готовую тенденцию, которую мы находим у субъекта и которая необходима для того, чтобы процесс пошел, реализовался. Впоследствии эта идея детерминирующей тенденции, как бы идущей от задачи, а не от воздействий (как условий), связалась с еще одним понятием – понятием установки. Для того, чтобы решать задачу, нужно иметь установку на ее решение. Сказать «нужно иметь установку на ее решение» – то же самое, что приписать процесс решения этой задачи так называемой детерминирующей тенденции. Я поясню вам на примере, который я беру вовсе не из Вюрцбургской школы, но который очень ясно показывает, что такое эта самая детерминирующая тенденция и как она может быть выявлена. Рассказывают, что один из русских психологов, приехав в Лейпцигскую лабораторию Вундта, был приглашен на опыт в качестве испытуемого. Это были опыты с запоминанием для изучения памяти. Происходило все таким образом. Перед испытуемым проходил ряд слов (в соответствии с техникой Эббингауза, это были бессмысленные слоги, коротенькие бессмысленные слова) одно за другим, и надо было установить, какое количество повторений необходимо для того, чтобы испытуемый мог удержать, запомнить и воспроизвести вот этот ряд бессмысленных слогов. Итак, начался опыт. В силу ли некоторой растерянности молодого стажера в лаборатории Вундта, а может быть, в силу его недостаточного понимания разговорной немецкой речи, – словом, в силу каких-то условий этот молодой ученый оказался перед прибором, на котором, как мы говорим, экспонируются, предъявляются слоги – слог за слогом, слог за слогом, один раз, второй раз, третий раз, четвертый раз. И наконец, экспериментатор спрашивает его: «Сможете ли Вы воспроизвести ряд, который перед Вами?» Испытуемый ответил так: «А я не знал, что надо запоминать. Я думал, что надо просто внимательно читать.» У него чего не было? Установки на запоминание. У него была другая установка – на возможно более внимательное чтение предъявляемого материала. Вот так он понял. Я привел этот анекдотический случай, о нем много рассказывали у нас в Москве, потому что такой эпизод случился с нашим психологом. Я не знаю, попал ли он в литературу, может, попал, а может, нет, но это довольно достоверный факт. Словом, вы понимаете, о чем идет речь. Для того, чтобы произошел какой-то процесс, нужно, чтобы возникла не только, как говорят, стимульная ситуация, то есть система воздействий, но еще и произошло понимание задачи. И более того – не только понимание, но и тенденция данную задачу решать. Правда? Вот это и называется установкой в широком смысле этого слова.

Итак, вот еще одно направление, совсем особенное. Кстати, оно противопоставляло себя другим направлениям еще по одному признаку. Дело все в том, что объяснение процессов как простой связи отдельных раздражителей или отдельных образов, или даже отдельных представлений, обобщенных образов, оказалось недостаточным. Вот видите, пришлось ввести такое понятие, как детерминирующая тенденция. И самый факт повторения последовательности раздражителей еще не гарантирует наличия соответствующего процесса. Многие проблемы не только мышления, но и менее сложного процесса – восприятия, не могли быть объяснены исследователями, придерживающимися «атомарного» подхода к психическим явлениям. В психологии долго сохранялась идея, что сложное состоит из простых элементов. Так, если я имею дело с восприятием предмета, то это восприятие может быть разложено на ощущения формы, цвета, расстояния до предмета и т. п., то есть на ряд простых элементов. Когда мы получаем конечный продукт нашего смотрения на предмет, ошупывания его и т. д., он в сущности разлагается без остатка или складывается из (что тоже самое) отдельных элементов, связывающихся между собой механическими связями – ассоциациями. Эти идеи вошли в историю пси-

хологии под названием «ассоцианизма», «ассоциативной психологии». И вот эта ассоциативная психология уже даже в вюрцбургских опытах обнаружила свою несостоятельность. Конечно, ассоциации существуют. И когда, скажем, я говорю «птичка божия», то у меня автоматически возникает в голове в силу ассоциации – «не знает ни заботы, ни труда». Или «белеет парус...» – и, конечно, у всех в голове сейчас один мотив – «...одинокий». Это все так. Но можно ли свести к системе ассоциаций всю сложность психических процессов и даже поведение?

Против «атомарного» подхода к психике, наиболее ярко выраженного в ассоциативной психологии, выступили гештальтпсихологи. «Гештальт» по-немецки означает «целостная форма». Это, правда, не очень хороший и не очень точный перевод. Я пробовал переводить слово «*гештальтпсихология*» словами «конфигуративная психология» – и сейчас смотрю на Курта Эрнестовича Фабри, который отлично знает немецкий язык, и вижу у него на лице критическое отношение к этому переводу. «Целостная психология» – тоже как-то нехорошо.

Итак, основной принцип этого направления, гештальтпсихологии, заключается в следующем: целостность имеет примат над частями. Процесс порождения образа восприятия идет не по направлению от отдельных элементов, ощущений, к целостному образу, а наоборот, от целостного образа к отдельным ощущениям, то есть образ не выводим из суммы ощущений. Вот как описывает процесс порождения зрительного образа один из гештальтистов: «Вы идете вечером по пустынной улице и вдруг замечаете возникшую на вашем пути фигуру. Это фигура воспринимается как нечто целое. Это целое приближается к Вам, и Вы видите, что перед Вами человек. Еще несколько шагов – "это мужчина". Еще несколько шагов – "это старик". Еще шаг: "Боже, да ведь это мой сосед по дому"». Из этого простого примера видно, что процесс порождения образа движется от целого через анализ этого целого к деталям.

Гештальтпсихологи полагали, что представление о целом как о сумме элементов есть не что иное, как продукт ума психологов-аналитиков. Другим примером, иллюстрирующим примат целого над частями, служит чертеж параллелограмма, на котором даже искушенный наблюдатель не сразу сумеет отыскать замаскированную цифру «4».

Гештальтистами был выдвинут целый ряд законов, которым подчиняются целостные восприятия. Они считали, что законам гештальта подчиняется любой психический процесс. Так, для запоминания часто важным оказывается объединение материала в некоторую структуру. Принцип объединения в единую структуру, в гештальт использовался как основной и в исследованиях мышления. В широко известных экспериментах одного из крупнейших гештальтпсихологов В.Келера с человекообразными обезьянами (шимпанзе) при сближении палки с бананом у обезьян в зрительном поле возникает, по мнению Келера, гештальт, то есть они воспринимают банан и палку как вещи, образующие единую «целостную ситуацию». Таким образом, и в мышлении целостность у гештальтистов выступает как основа решения.

Почти одновременно с гештальтпсихологией родилось еще одно значительное направление, которое можно причислить к современным направлениям психологии. Дело в том, что бихевиоризм, Вюрцбургская школа и гештальтпсихология были невероятно далеки от проникновения в самые интимные переживания человека, от мира влечений и потребностей личности. Надо было этот мир открыть.

И этот мир был открыт усилиями многих исследователей, по преимуществу занимавшихся патологическими, то есть ненормальными проявлениями психики, истерическими явлениями, явлениями неврозов. Словом, родилось это направление в клинике. Но оно оформилось как направление, хотя и сохраняющее свою позицию в медицине, в невропатологии, вернее, в психоневрологии, в психиатрии, но все-таки сыгравшее огромную роль собственно в психологии. Я имею в виду направление, которое называют разными именами, но которое относится к группе направлений, объединяемых, по-моему, удачным термином «*глубинная психология*». Более специально это направление называют *психоаналитическим* и связывают с именем З.Фрейда. Это направление называют глубинной психологией именно потому,

что объектом его анализа являются интимные, скрытые механизмы психических явлений, в первую очередь явлений, относящихся к мотивационной и личностной сфере. Зигмунд Фрейд дал образцы исследования этих глубинных явлений. Чтобы пояснить метод анализа Фрейда, я прибегну к одной иллюстрации из популярной книги Фрейда «Психопатология обыденной жизни».

Вы приходите в гости к своему близкому другу и, останавливаясь перед его дверью, вынимаете из кармана ключ от собственной квартиры. Означает ли что-либо это ошибочное действие? С точки зрения Фрейда, за этой ошибкой скрывается характер отношения к хозяину квартиры. Придя к близкому человеку, вы попытались открыть собственным ключом чужую дверь. Но чужую ли? Нет, так как совершенная ошибка означает, что психологически эта дверь выступает в каком-то смысле как ваша.

Другая иллюстрация. Нас нередко по ночам посещают разные сновидения. Фрейд ставит вопрос: «Случайны ли эти сновидения или же они чем-то определены, то есть за ними скрывается некоторая сила, по каким-то причинам не допускаемая нами в сознание?» Фрейд полагал, что в основе сновидений лежит жизнь, выступающая в некоторой символической форме и в этой странной форме говорящая психоаналитику об удовлетворенности или неудовлетворенности наших влечений. Позвольте привести вам для иллюстрации этого положения пример не из литературы, а биографический. Мне пришлось однажды решать очень трудный вопрос: следует ли мне принять предложение занять некоторую должность или же лучше от нее отказаться. В эту же ночь я увидел во сне в чужом кабинете кресло, которое стоит у меня дома, и воскликнул: «Вынесите это кресло из кабинета! Оно не ваше!» На следующий день я принял предложение. Это что значит? Это значит, что шла какая-то работа. Недаром говорят: «Утро вечера мудренее». Последние новейшие исследования 60-х годов показали, что действительно на некоторой фазе осуществляется известная работа. Это проверено строго объективными методами и сейчас не вызывает сомнения.

Я резюмирую вклад фрейдовской школы. Я оставляю в стороне философию Фрейда, его учение об инстинктах, о влечениях. Он оказался на позиции, биологизирующей человека. Он видит источник этой активности, этой деятельности в том, что заложено в дочеловеческой еще эволюции, в ранних каких-то фазах. И это все ложные мысли. Но что он открыл, какие проблемы поставил? Он открыл большую тайну психики, и эту тайну я бы сформулировал так: *психика отнюдь не сводится к системе осознаваемых психических явлений и процессов*. И хотя этот простой факт кажется всем известным, его нужно было открыть. По сути, добываясь до истины, мы всегда открываем нечто известное, но не находившееся ранее в поле нашего внимания. Открытие Фрейдом сферы бессознательного оказало большое влияние на дальнейшее развитие психологии. Известный английский ученый Джон Бернал в своей монографии «История науки» сравнивает открытие Фрейда с открытием Коперника, указывая тем самым, что сознание после работ Фрейда перестало быть единственным центром психологической системы мира.

Биологизаторская концепция человека, созданная З.Фрейдом, резко разрывала индивидуальное и общественное, игнорируя тот кардинальный факт, что человек – это общественное существо. Положение о человеке как об общественном существе дало основание к развитию целого направления так называемой социологической психологии. Представители этого направления, среди которых следует упомянуть известного социолога Дюркгейма, рассматривают человека как социальное существо и ищут разгадку присущих ему духовных особенностей в истории развития общества. В последнее время идеи французской социологической школы получили широкое развитие в ряде специальных психологических направлений.

Таким образом, нерешенность основных методологических проблем привела психологию в начале XX века к тому, что она оказалась разбитой на множество противостоящих друг другу и борющихся друг с другом направлений.

Лекция 4

Кризис в психологии. Предпосылки возникновения объективной психологии

К началу XX века в психологии сложился целый ряд направлений, несовместимых между собой, и это составляло своеобразную форму выражения теоретического кризиса психологической науки. Несмотря на это, психологическая наука продолжала очень активное накопление важных психологических фактов, продолжалось изучение физиологических процессов, которые соответствуют психологическим явлениям и процессам. Словом, нельзя представить себе этот первоначальный период существования психологической науки как период, характеризующийся только теоретическими трудностями, которые создавали картину общего кризиса психологии, так как в то же самое время шло серьезное обогащение психологических знаний. С другой стороны, само столкновение идей в психологии, различных подходов и отдельных научных школ, конечно, тоже нельзя понимать как историю простого столкновения одних заблуждений с другими заблуждениями. В ходе этой борьбы в столкновении различных направлений и школ в психологии формировались важные теоретические положения, которые в значительной степени обусловили дальнейшее развитие психологической науки. Поэтому, хотя в начале века и прозвучали очень сильно слова одного из выдающихся русских психологов Н.Н.Ланге о том, что психолог в настоящее время похож на Приама, сидящего на развалинах Трои, в них содержится лишь доля истины. Они справедливы в отношении общекризисной ситуации в психологии, но все же то, что Ланге называл развалинами, было в действительности строительным материалом, без которого, конечно, не могло продолжаться развитие психологии.

Почему же возникла кризисная ситуация, несмотря на явные успехи в развитии психологических знаний? Потому, что конкретная психологическая наука не могла разрешить ряд фундаментальных психологических вопросов, так как попытка их решения велась с неверных общетеоретических, методологических и, можно даже сказать, философских позиций. Психология не могла развиваться теоретически ни в рамках идеалистических представлений о психике, о психических явлениях как явлениях, принадлежащих вообще особому духовному миру и, так сказать, не подвластных конкретному научному исследованию; ни в рамках наивно-материалистических, механистических по своему происхождению представлений, видящих в психических феноменах лишь косвенные проявления, «призраки», создаваемые работой органов чувств и мозга человека, хорошо изучаемой объективными методами. В итоге идеалистические представления о человеческой психике, о сознании фактически обособливали эти явления, отделяли их от круга материальных явлений, которыми занимаются естественные науки: физиология, биология, химия, физика. С другой стороны, ограничение исследуемых вопросов только рамками изучения соответствующих мозговых процессов приводило к невозможности раскрыть особенности собственно психических явлений. Потому что, когда для познания психических явлений обращаются к тем механизмам, которые при этом функционируют, то есть к физиологическим (нервным) механизмам, то видят процессы возбуждения, распространения этого возбуждения, торможения, индукции и т. д., то есть процессы, которые сами по себе объективно физиологические, а не психические. При таком подходе утрачиваются особенности психических явлений, не сводимых к мозговым и – шире – к физиологическим процессам так же, как и не выводимых из них. Здесь существуют какие-то другие, более сложные отношения.

Нужно сказать, что попытки найти пути раскрытия природы психических явлений в деятельности мозга приводили в конце концов к идеалистическим по существу конечным выводам, например об объективной непознаваемости психических явлений. Мир психических явлений превращался в запрещенную для обычной науки сферу, чистую субъективную реаль-

ность. Возвращение к идеалистическим представлениям от таких наивных механистических объяснений, или точнее сказать подходов, к психическим явлениям – в высшей степени распространено, потому что представляет собой логический результат неправомерных в научном отношении попыток сведения одного к другому или выведения одного из другого: из физиологических процессов – психических процессов. Это явление известно под названием физиологического или биологического *редукционизма* (редукционизм образован от слова «редукция», что значит именно сведение).

Я упоминал о другом подходе к психическим явлениям, а именно о так называемом *социологическом направлении*, назвав при этом имя Дюркгейма как одного из виднейших представителей этого направления. И здесь тоже встречалась та же трудность, только теперь уже по отношению не к физиологии, а к таким социологическим явлениям, как общественное сознание, выработанные системы понятий или концептов, как любили говорить в то время, то есть словесно обозначенных представлений о мире, которые как бы проецируются в головы отдельных индивидуумов, но не образуют тот мир явлений, которые мы называем психическими явлениями. С этой точки зрения, наши представления о мире – это продукт проекции общественных представлений о мире. Здесь тоже имеет место прямое выведение психики из явлений, которые относятся к категории социальных, общественных, иначе говоря. Такое простое выведение сделать невозможно, так как вновь утрачивается специфика психических явлений и психолог превращается в историка культуры или социолога.

В связи с этим, не имея возможности выйти за рамки подобных трудностей, психологи оказались как бы зажатыми между двумя опасностями: сведением психики к биологии, с одной стороны, и сведением психики к социальным явлениям, с другой. Очевидно, что нужно было найти совсем новые подходы к изучению психических явлений. Нужно было по-новому подойти к реальности существования особой сферы, открытой в принципе человеческому познанию. Нужно было, иначе говоря, опереть психологическую науку на иные философские основания, чем те, которые мог предложить психологии упрощенный механистический материализм, или те основания, которые психологии активно предлагал идеализм в различных формах своего проявления (в формах объективного или – чаще всего – субъективного идеализма). Необходимы были новые теоретические и методологические основания психологии. Каковы же эти основания, которые выводят психологию из теоретического кризиса, из ряда тупиков, возникающих при решении фундаментальных психологических проблем природы психики, природы человеческого сознания, связей психических явлений с функционирующим мозгом, связи психических явлений с явлениями общественными?

Эти методологические основания в эпоху, когда в полной мере разыгрался теоретический кризис в психологии, уже существовали. Они были представлены возникшими примерно в середине XIX века марксистскими философскими взглядами. Они были даны марксизмом. Но вся мировая психология как бы прошла мимо марксистской философской науки. Правда, в некоторых исторических источниках содержатся указания на то, что в отдельных работах у отдельных исследователей есть упоминание имени Маркса, но это упоминание делалось в другом контексте, чем тот, о котором пойдет речь, то есть это случайное упоминание, без всякой попытки придать идеям Маркса значение основополагающих идей для психологической науки.

Появление марксизма в прошлом веке вызвало революционный поворот не только в философии, но и в подходе к изучению общественного и личного сознания и, шире, коренной поворот в понимании природы психических явлений. Первый прорыв к марксистским философским основаниям психологии произошел в нашей стране после Октябрьской революции, когда часть советских ученых, вставших на сторону Советской власти, стала искать опоры для дальнейшего развития своей науки в марксизме. В этот период, вскоре после того, как закончилась гражданская война, была провозглашена важная идея о том, что психология должна сознательно, а не стихийно строиться на новой диалектико-материалистической философской

основе. Эта идея, подготавливаемая на протяжении некоторого времени, была явно провозглашена в начале 1923 года на первом научном съезде, где рассматривались вопросы о природе психического. Этот первый съезд после революции назывался съездом по психоневрологии. Он охватывал вопросы, которые сейчас бы назвали вопросами нейрофизиологии, вопросы патологических состояний мозга и психики и, наконец, прямо вопросы психологии. Требования начать перестройку психологии на марксистских основах были сформулированы профессором Константином Николаевичем Корниловым. С этого момента развернулась открытая и широкая дискуссия о том, нужно ли ориентировать психологию на совершенно другие философские основания и перейти от оснований, которые давала домарксистская и немарксистская философия, на основания, которые дает философия марксизма. На II съезде в 1924 году присутствовали представители разных областей науки, и после второго съезда в психологию стали вливаться совершенно новые люди, не принадлежащие к кругу профессиональных психологов того времени. Их работа концентрировалась вокруг Института психологии Московского университета. Директором Института психологии был в то время известный психолог, профессор философии Георгий Иванович Челпанов. Итак, две фигуры стали символизировать как бы два лагеря. Фигура Корнилова символизировала направление, требовавшее радикального пересмотра философских оснований психологии, отказа от старых философских основ и перехода на новые, которые они видели в марксизме. Другой лагерь был наиболее ярко представлен Г.И. Челпановым. Он стоял на иных позициях и полагал, что марксизм есть существенная концепция для понимания явлений, происходящих в развитии общества, экономических отношений, классовой борьбы, но не имеющая и не могущая в принципе иметь отношение к конкретным знаниям о психических явлениях. Последняя точка зрения выражала крайне наивную попытку выйти из-под влияния марксистских идей и сохранить те, в общем-то, жалкие философские позиции, на которых стоял сам Челпанов и на которых строилась вся работа, в том числе и экспериментальные исследования в Институте психологии Московского университета.

Психология, которую представлял Челпанов, была психологией, опиравшейся на эклектическую философскую основу. Она нашла свое отражение в экспериментально-психологических исследованиях, в идее параллелизма явлений. Что касается самого содержания этих экспериментальных работ, то по духу они были репродуктивными психологическими работами. Челпанов открыто декларировал этот принцип работы для психолога-экспериментатора. Он говорил: «С чего должен начинать психолог? Психолог должен начинать с того, чтобы взять экспериментальные исследования, выполненные в одной из знаменитых зарубежных лабораторий, прежде всего в Лейпцигской лаборатории, и повторить их. И лишь после повторения этих исследований психолог имеет право их как-то модифицировать». Именно из-за того, что челпановская официальная психология постоянно ориентировалась на образцы западной, главным образом немецкой, психологии, ее прозвали «приват-доцентской психологией», то есть такой психологией, которая только следует за образцами зарубежной. Говоря о самом Г.И. Челпанове, следует отметить, что он был блестящим педагогом, а его лекции – образцом дидактичности. В своих лекциях Г.И. Челпанов искусно пользовался дидактическими приемами, содержательными образными сравнениями. Его учебник для гимназий выдержал четырнадцать изданий, так как был великолепно написан. Но, повторяю, как философ Челпанов представлял собой лагерь идеализма, а в психологии его идеалами были повторение, боязнь оригинальности и отхода от традиционной физиологической психологии.

Под давлением этой дискуссии в начале 1924 года было изменено руководство института. Профессор Челпанов возглавил другой коллектив, а директором института, тогда важнейшего и единственного в Советском Союзе, Института психологии Московского университета стал профессор Корнилов. Произошла смена всего коллектива института. Это был настоящий поворот, потому что в институте появились совсем новые люди. Это были, во-первых, молодые

люди, которые начали с работы в институте вообще свою деятельность в качестве психологов, придя из других областей науки.

В числе этих молодых людей приехал из Казани 22-летний Александр Романович Лурия, ставший старшим научным сотрудником института. Из другого города, Гомеля, появился еще один молодой человек, чуть постарше Лурии (впоследствии профессора нашего факультета), Лев Семенович Выготский. Он занял место младшего научного сотрудника, потому что А.Р.Лурия уже опубликовал некоторые небольшие психологические работы, он очень рано проявил активность, к тому времени кончив чуть не два факультета, а Л.С.Выготский имел публикации главным образом литературоведческие – о басне, о графике, словом, что-то еще не психологическое. Но приходили люди постарше, из других областей знания. Так появился в институте, например, профессор Рейснер, в то время уже довольно известный социолог, который решил развивать психологию в новом направлении. Появились врачи. Приехал из эмиграции сравнительно молодой профессор Шпильрейн, специалист в области психологии труда, который приступил к активной работе в институте и стал разрабатывать психологию труда, или, как говорили в то время, психотехнику. Состав института обновился. Лозунг – «строить марксистскую психологию», то есть психологию на марксистской философской основе, – нужно было реализовывать в конкретных работах. У классиков марксизма нет специально психологических трудов. Задача заключалась не в том, чтобы распространять готовые марксистские представления в психологии. Задача была гораздо труднее. Надо было переработать фактический и по-новому осмыслить теоретический материал, созданный усилиями как предшествующих поколений психологов, так и современными психологами, придерживающимися немарксистских позиций. Работа огромная и трудная. Первые шаги к решению этой задачи были весьма скромными по своим результатам. С одной стороны, в качестве предпосылки для решения задачи перестройки психологии на марксистской основе выступил, конечно, колоссальный эмпирический материал, накопленный психологией за свою историю. С другой стороны, в отечественной науке существовали специальные предпосылки, которые сделали возможным марксистское развитие психологии. Среди этих предпосылок в первую очередь нужно выделить учение Ивана Михайловича Сеченова. И.М.Сеченова нельзя назвать только физиологом, хотя его вклад в физиологию неоспорим (открытие знаменитых механизмов центрального торможения и т. д.). И.М.Сеченов был человеком, внутренне нацеленным на решение сложных психологических проблем. Это видно из его научной биографии, из его интереса к психологии, который был проявлен даже до его капитальных физиологических исследований, и, конечно, по его известным работам, которые представляют собой не изложение экспериментальных исследований, а, скорее, теоретические исследования о возможности распространения принципа рефлексорных процессов на изучение психических явлений. И.М.Сеченов был очень далек от вульгарного сведения психических явлений непосредственно к физиологическим. Мысль Сеченова гораздо более сложна и в этом смысле гораздо более интересна, чем она представляется из упрощенного изложения его идей.

И наконец, собственно со стороны физиологии была проведена огромная работа, которая бесспорно относится к классическим работам XX века. Я имею в виду Ивана Петровича Павлова, одного из величайших физиологов своего времени. Его физиологические исследования о работе больших полушарий головного мозга тоже имели своеобразный психологический прицел, и И.П.Павлов еще в раннем периоде своей деятельности высказывал мысль о том, что его работы идут в направлении решения огромной проблемы, которую он образно назвал «проблемой тайны человеческого сознания». Это был особый путь изучения физиологических процессов в связи с жизненными отношениями, жизненными взаимодействиями живых организмов, высших животных и человека. На этом пути возникли идеи о раздражителе как сигнале, который животное получает из внешней среды. В трудах И.П.Павлова последовательно проводилась строго физиологическая точка зрения, и это, может быть, самое сильное из всего

того, что мы находим у И.П.Павлова, так как последовательное проведение строго физиологического подхода к изучению функционирования мозга преграждает путь ко всякого рода спекуляциям на психологической двусмысленности. Изучение мозга и его физиологической работы должно осуществляться в системе понятий, выработанных физиологией. На первый взгляд, это отдаляет от психологии. На самом деле это расчищает пути перед собственно психологическим исследованием.

Близкие взгляды развивал Владимир Михайлович Бехтерев. Бехтерев по праву считается одним из основателей рефлексологии. Он направил свои усилия на распространение идеи сочетательного рефлекса, на изучение психических процессов, не касаясь своеобразия их выражения. В результате складывалась механическая, упрощенная картина психической деятельности человека. Рефлексологическое направление удерживалось сравнительно недолго, хотя оно произвело впечатление на зарубежных исследователей. Имя Бехтерева было популярно не только как имя крупного морфолога и психоневролога, но и как основателя такого аналитического направления, как *рефлексология*, рассматривающая психические процессы в виде системы сочетательных рефлексов разного рода. Еще до недавнего времени, вплоть до 40-х годов, в зарубежной психологической литературе, когда речь заходила об объективном направлении в советской психологии, в первую очередь называли В.М.Бехтерева.

Однако идея объективной науки о психике была выражена и в других направлениях, а не только в рефлексологии. На переворот в психологии, произошедший в начале двадцатых годов, оказали большое влияние работы профессора Новороссийского (то есть Одесского) университета Николая Николаевича Ланге. Ланге был биографически связан с идеями Сеченова, вместе с этим он являлся строгим психологом, а не физиологом. Он выдвинул ряд очень важных прогрессивных положений. В частности, Н.Н.Ланге был одним из тех, кто яростно разоблачал ненаучную бессмысленность всяких идей, которые сводят психику, психические явления и процессы лишь к числу явлений и процессов, сопровождающих объективные нервные процессы и не имеющих собственного реального значения в жизни, подобно тени, отбрасываемой идущим человеком на его ноги. То есть он выступал против идей параллелизма одних явлений другим явлениям, против идей эпифеноменализма, то есть сведения психических явлений к явлениям, не имеющим значения. Это была фундаментальная попытка разобраться в философской ситуации, сложившейся в психологии в первой четверти двадцатого века. И здесь был сделан еще один капитальный вклад. Ланге одним из первых в мировой психологии обратил внимание психологов не только (и не столько) на сенсорные, то есть чувствительные (относящиеся к органам чувств) процессы, но и ввел в поле внимания психологии еще одно очень важное звено – двигательные процессы. Ряд работ Н.Н.Ланге следует рассматривать как классические. Таковы, например, его работы в области изучения внимания, как обыкновенно они и обозначаются, но они имеют более широкий смысл, чем исследования процессов, которые мы называем термином «процессы внимания» или «явления внимания».

И наконец, следует упомянуть имя еще одного психолога, который прямо настаивал на необходимости изменения философских, методологических основ психологической науки. Этим психологом был Павел Петрович Блонский, философ по образованию и педагог по призванию. Перу П.П.Блонского также принадлежат интересные работы в области дефектологии. Именно П.П.Блонскому принадлежала идея построения психологии в духе марксистского понимания общества и человека, высказанная им в начале 20-х годов.

Я анализирую предпосылки, приведшие к лозунгу «строить марксистскую психологию», для того, чтобы не создалось ложное впечатление, будто этот лозунг как таковой выступил в роли первопричины развития марксистской психологии. Представление о том, что развитие марксистской психологии началось только под влиянием этого лозунга, брошенного среди психологов, было бы неверно, так как этот лозунг был подготовлен всей предысторией или же, как иногда говорят, «носился в воздухе». В качестве еще одной предпосылки, предопределив-

шей развитие этого лозунга, выступило направление, неразрывно связанное с именами Алексея Николаевича Северцева и Владимира Александровича Вагнера. А.Н.Северцев, один из виднейших представителей эволюционной биологии, сформулировал идею о приспособительном значении психики в процессе эволюции. Он утверждал, что процесс эволюции не может быть верно понят, если отбросить свойство живых организмов соотносываться с воспринимаемыми свойствами среды и соответственно изменять свое поведение, то есть нельзя представить процесс эволюции, не учитывая приспособлений организма, которые играют реальную роль в развитии жизни и которые, по существу, являются приспособлениями отражательной природы.

Наряду с именем А.Н.Северцева, я бы назвал имя В.А.Вагнера, который выступил с блистательными исследованиями в области биопсихологии. В последний период своей жизни В.А.Вагнер выпустил ряд брошюр, в которых он отстаивал необходимость исследования психики животных и резко противопоставлял эту точку зрения взгляду радикальных бихевиористов, наложивших запрет на изучение психики вообще и отбросивших самое понятие о психике животных.

Итак, все перечисленные выше предпосылки в значительной степени обусловили тот переворот, который произошел в психологии в 1923—24 годах. Возникла задача сознательно положить в основу психологической науки марксистскую философию. Эта задача решалась неоднозначно, постепенно.

Лекция 5

Проекты создания марксистски ориентированной психологии: К.Н.Корнилов и Л.С.Выготский

Анализ становления психологии на марксистской основе представляет собой задачу специального исследования. В сегодняшней лекции я обозначу лишь главные вехи, по которым шло это развитие, и подведу теоретические итоги, которые являются следствием произошедшей перестройки психологической науки.

В первые годы задача нового подхода к психологии рисовалась очень упрощенно. Вдохновленный идеей диалектического понимания действительности, профессор К.Н.Корнилов сформулировал новое направление как направление, синтезирующее две крайние позиции, сложившиеся в мировой психологии того времени. Одна позиция – это позиция психологии как науки о субъективных явлениях, которые постигает человек в самом себе, то есть на путях самонаблюдения, интроспекции. Другая, противоположная позиция заключается в том, чтобы вовсе отбросить внутренний мир, который недоступен объективному наблюдению. Если я сужу о психических явлениях у другого человека, то я действую лишь по аналогии, то есть допускаю ту разумную мысль, что если я испытываю ощущение под влиянием этого воздействия, то, наверное, и другие тоже испытывают подобное или точно такое же переживание, ощущение, образ и т. д.

Итак, одна линия – это линия субъективной психологии, а другая – отсекающая явления субъективной жизни и занимающаяся тем, что объективно проявляется, то есть поведением, прежде всего внешним поведением. Психологи этого направления предполагали, что поведение может как бы «прятаться», например, громкая речь может заменяться «шепотной» или внутренней речью и т. д. Итак, в концепциях представителей «объективной» психологии перечеркивается субъективный мир. По мнению Корнилова, синтезирующая психология – это та психология, которая объединяет оба направления. Воспользовавшись языком диалектики, Корнилов внешне очень эффектно передал отношения между различными направлениями в психологии. Первое направление есть тезис, второе направление есть антитезис, а марксистская психология представляет собой синтез. Таким образом, перед нами знаменитая диалектическая триада. Идея Корнилова заключалась, следовательно, в том, чтобы построить такую психологию, которая не отбрасывала бы ни психических процессов, изучаемых объективными методами, ни данных самонаблюдения. Но как синтезировать столь противоречивые подходы? Что это значит – синтезировать? Конечно, не в манере параллелизма, так как диалектический синтез не есть установление параллельности. Корниловым в общей форме было дано направление для поиска решения этого вопроса.

Далее, профессор Корнилов обращал внимание также на то, что нужно ввести еще две категории диалектики – категории количества и качества, перехода количественных изменений в качественные. И свой первый учебник, вышедший в 1926 году, он постоянно иллюстрировал примерами из области психологии, где количественные изменения приводят к появлению нового качества. Так, например, при увеличении давления на кожу вначале усиливается ощущение прикосновения, а затем происходит переход количества в качество и возникает болевое ощущение. Это второе положение Корнилова.

Третье положение стояло как бы в другом ряду, чем первые два, которые воспроизводили некоторые категории диалектической логики. Это было требование рассматривать психологию не как науку о явлениях, присущих абстрактному человеку, то есть человеку вообще, а как науку, изучающую человека, занимающего определенное место в системе общественных отношений. Отсюда делался вывод о том, что в психологию необходимо ввести классовую

точку зрения и изучать психологию не абстрактного индивида, а классового человека. Таким образом, эта категория шла со стороны историко-материалистического понимания общественных явлений. Нужно сказать, что Константин Николаевич Корнилов предпринимал активные попытки вести исследования как в направлении реализации этих диалектических категорий, так и в направлении психологической характеристики людей, принадлежащих к конкретным социальным группам. Один из первых планов Института психологии, предложенный в качестве генеральной темы для всего института, – «Психологическое изучение московского пролетария». Как предполагалось осуществить это изучение? Предполагалось изучать особенности порогов ощущения, особенности памяти с помощью классических методов типа предъявления бессмысленных слогов или другого материала, изучения скорости реакции, силы реакции и т. д. Иначе говоря, осуществление первого плана должно было происходить в духе корниловской реактологии, то есть учения о реакциях.

Остановимся поподробнее на корниловском проекте. По интенсивности реакции, которая регистрировалась с помощью различных датчиков, была создана типологическая классификация. Согласно этой примитивной классификации, люди могут принадлежать к четырем разным типам, определяемым по скорости и силе реакции. Нетрудно догадаться, что этими типами были: слабый и медленный, слабый и быстрый, сильный и медленный, сильный и быстрый. На основе этих исследований был предложен крайне наивный закон однополюсной траты энергии: если интенсивная трата энергии направляется на моторное звено, то есть на движение, то, соответственно, падает интенсивность в центральных звеньях; если, наоборот, активным является центральное звено, то, напротив, ослабленным является звено внешнего поведения, внешних движений. Корнилов старался экспериментально обосновать этот закон. Конечно, какая-то правда, или, точнее, осколок правды, этим упрощенным представлением схватывается. Когда вы производите тяжелую физическую работу, например колете дрова, то едва ли это обстоятельство содействует одновременно решению сложных математических задач. Но хотя некоторая доля истины в этом наблюдении обыденной жизни и есть, возведение его до уровня принципа просто неверно, так как такого антагонистического отношения в виде закона не существует. Оно проявляется только в очень ограниченных условиях.

Надо сказать несколько слов и о судьбе исследования, задуманного как исследование психологии коренного московского пролетария. Слово «коренной» уточняло круг испытуемых. Предполагалось, что все лаборатории (эмоциональных процессов, памяти, внимания, мышления, восприятия, ощущений) должны быть перенесены на заводы и там через свои отработанные упрощенные испытания, которые даже трудно назвать исследованиями, проведут массивную группу представителей коренного московского пролетариата. Этот замысел, разумеется, не увенчался, да и не мог увенчаться, успехом, потому что едва ли можно предположить, что московский рабочий, и вообще рабочий, отличается от представителя другой профессиональной группы или другого социального класса скоростью реакции. Идея различения классовых характеристик человека, исходя из его антропологических особенностей, абсурдна и совершенно несовместима с марксистским пониманием психологии.

В развитие марксистской психологии серьезный вклад внесли работы Льва Семеновича Выготского и тех психологов, которые поддерживали основную линию работы этого замечательного исследователя или же были воспитаны на его работах. Л.С.Выготский выдвинул верную и плодотворную идею о необходимости исторического подхода к исследованию психических процессов. Под историческим подходом имеется в виду филогенетический подход, который рассматривает развитие психического отражения в рамках биологической эволюции. Вне филогенетического подхода невозможно выявить специфику человеческой психики при переходе от образа жизни животных к человеческому образу жизни, основанному на развитии труда и общественных отношений, трансформации дальнейшего развития психики в связи с развитием труда, общественных отношений, языка, то есть, в общем, культуры. В этой

связи Л.С.Выготским была поставлена совершенно новая для психологии проблема – проблема сознания. Конечно, эта проблема всегда стояла перед психологией, но ее постановка резко отличалась от той, которую предложил Л.С.Выготский.

Предполагалось, что психические явления – суть явления сознания. Л.С.Выготский поставил вопрос радикально иначе. Психолог должен исследовать сознание не как общую характеристику, предпосылку психических явлений и процессов, а сделать сознание предметом конкретного психологического исследования, то есть дать сознанию не формальную, а содержательно-психологическую, конкретно-психологическую характеристику. Этот путь открылся вследствие того, что при историческом подходе предметом исследования становится то, что порождает особую, то есть человеческую, форму психики, которую мы называем сознанием. Подход к изучению сознания как к порождению сознания новым образом жизни, новой системой жизненных отношений, в которые вступает индивид на уровне человека, то есть при переходе к человеческому обществу, был первым в истории психологии конкретным подходом к проблеме сознания. Когда я буду специально говорить о сознании, то разовью эту мысль так, что она выступит в совершенно осязаемых, осязаемых и понятных формах. Сейчас же я ограничиваюсь только характеристикой постановки проблемы в рамках исторического подхода и постановки проблемы конкретного психологического изучения особенностей человеческой психики в высшей ее форме, в форме сознательного образа действительности. Это направление в целом квалифицировалось как направление культурно-историческое: историческое – по методу и культурное в силу того, что в качестве решающих обстоятельств, порождающих психику человека, было привлечено развитие человеческой культуры, в которой как бы отложены, выкристаллизованы достижения исторического процесса человеческой истории и обобщены достижения общественно-исторической практики. Надо сказать, что исторический подход был очень широко распространен в конкретных работах по исследованию онтогенетического развития человека.

Л.С.Выготским был предложен и метод решения проблемы развития, формирования, порождения новых форм психики, и, вместе с этим, конкретный подход к изучению сознания не как предпосылки психики, а как продукта развития. Выготский всегда говорил, что надо превратить сознание из постулата психологии в проблему психологии, то есть рассматривать сознание не как данное раз и наперед исходное, а как то, что должно быть еще понято как возникающее в ходе развития. И вот был найден подходящий методический путь. Идея Выготского, если коротко говорить, заключалась в том, что человек, в отличие от животных, не только пользуется орудиями в своем непосредственном произвольном труде, но что в связи с перестройкой деятельности происходит также и вооружение человека своеобразными орудиями для решения задач с помощью психических процессов (психологических процессов, предпочитал говорить Выготский, не торопясь членить психическое и непсихическое; не торопясь – значит, не отказываясь от этого членения в принципе).

Первые попытки шли в таком направлении: «Может ли человек поставить перед собой психологическую по своему содержанию задачу и ставит ли он ее?» Например, человек ставит задачу на запоминание, и тут он может поступить по-разному: например, завязать узелок на носовом платке. Этот узелок называется «узлом на память». Потом человечество выдумало мемориалы, памятники, чтобы сохранить в человеческой памяти некоторые события. Вынимая платок из кармана, я вижу узелок, который напоминает о том, что я должен что-то сделать. Конечно, я могу вынуть платок из кармана, посмотреть на узелок, ничего не вспомнить, но это особый случай. Значит, появилось орудие-средство, инструмент для припоминания и воспроизведения. В случае с «узлом» это внешний инструмент, который принципиально не отличается от любого другого инструмента. Но этот инструмент может быть и внутренним, то есть я могу сделать зарубку про себя, устно. Я могу проделать какую-нибудь специальную операцию, специальный процесс, который решает ту же самую мнемическую задачу. Например,

у меня пятизначный телефон 4-15-60. Вы, конечно, в уме подсчитали: $4 \times 15 = 60$. Я могу сделать наблюдение над сочетанием цифр, и это тоже будет инструментом, тем вспомогательным способом, который поможет удержать в памяти и воспроизвести номер телефона.

У меня флуктуирует, движется внимание. А как его зафиксировать? Может быть, его тоже можно зафиксировать с помощью какого-то внешнего или внутреннего приема? Но позвольте, а как же свершается, течет наша мысль? Может быть, тут тоже есть какое-то вооружение, созданное процессом общественного развития? Разве слово не выполняет роль посредствующего звена, то есть принципиально орудийную, инструментальную роль? Разве слово не выступает тоже как универсальное, своеобразное психологическое орудие, превращающее непосредственный психический процесс в опосредствованный? Л.С.Выготский, желая подчеркнуть опосредствованный инструментальный характер психологических процессов у человека, вместо традиционной двучленной схемы «стимул-реакция» ($S \rightarrow R$) предложил схему, в которую введено промежуточное звено «стимул-средство».

В соответствии с этой схемой получается, что человек овладевает не только процессами внешнего мира, но и процессами внешнего и внутреннего поведения. Одновременно с идеей об опосредствованном характере психических процессов у человека Л.С.Выготский совершает свой второй шаг, который придает решительность как направлению исследования психики, так и самой идее инструментальности. Когда мы имеем дело со звеньями, выполняющими инструментальную функцию и входящими в качестве опосредствующих звеньев в психический процесс, то эти звенья как бы открывают особенное, только им свойственное лицо. Они выступают в роли знаков. Так, «узелок на память» является знаком некоторого события, но он, в отличие от языка, не обладает универсальным характером. Другое дело, если мы используем зарубки на дереве в качестве письма. Тогда это средство имеет не только инструментальную, но и знаковую функцию. Оно действует не совсем и не только как инструмент, а как замещающий инструмент, то есть как знак, имеющий значение. Это положение необходимо пояснить. Орудие есть физический предмет, но весь вопрос заключается в том, как этот физический вещественный предмет выступает вместе с приданной ему функцией. Когда мы говорим, например, о молотке, то имеем в виду не физическую характеристику предмета, а характеристику его значения (предмет для забивания гвоздей). Если вы возьмете молоток и дадите его в руки человеку, то он выступит в своем значении, то есть как орудие, но если вы положите тот же молоток в клетку с обезьянами, то молоток утратит свое значение, хотя не утратит ничего от своих вещественных свойств.

Что же это за мир значений? Выготский отвечает очень просто. Это и есть значения, которые образуют ткань человеческого сознания, а конкретное психическое изучение сознания есть не что иное, как изучение формирования этих значений и процессов, связывающих одно значение с другим, изучение структуры самих значений и структуры систем, которые их образуют. Ну, а потом открылась другая страница, не законченная самим Выготским, а только начатая им: что лежит за этим значением в человеческой жизни. Это проблема проникновения в сознание не только со стороны значений, но и со стороны мысли. У Л.С.Выготского есть красивая метафора. Он говорит, что в языковом процессе мысль изливается в речь, как облако проливается дождем, и так себя реализует. Тут спрашивается, а что движет этим облаком? И тогда открылась сфера чувств, та сфера внутренней регуляции, которая еще не заключена в самом значении. Это был очень важный вклад. Но и на этом, конечно, не остановилось развитие мысли в новом направлении. Последовали другие шаги. Последовал ряд капитальных работ, выполненных у нас, в советской психологии. Если говорить только о наиболее значимых именах, то я бы назвал среди этих имен имя очень крупного отечественного психолога Сергея Леонидовича Рубинштейна. Я мог бы присоединить к этому имени ряд очень значимых имен, с которыми вы познакомитесь и в ходе нашего курса, и в том разделе истории психологии, который будет касаться современности. Было разработано много новых проблем, кото-

рые вообще обходила прежняя психология. Я уже говорил об одной из них. Это проблема конкретно-психологической характеристики человеческого сознания, этапов его развития. К ним относится также по-новому разработанная проблема усвоения, «делания своим» достижений человеческой культуры. Процесс усвоения вовсе не похож на наклеивание печати на чистый лист бумаги, на простую проекцию понятий, выработанных обществом и передаваемых с помощью знаковых систем. Это очень сложный процесс, проблема «обучения» с большой буквы. Иными словами, это проблема овладения достижениями человечества отдельным индивидом, родившимся беспомощным. Проблема обучения охватывает не только «обучение» в тесном смысле слова, но и вместе с тем выходит за границы обучения в этом узко-педагогическом значении термина. Это проблема усвоения человеческого отдельным человеком и, вместе с тем, проблема вклада отдельных людей в культуру той или иной эпохи, выражающую то или другое общественное устройство.

Все это новые страницы. Новые страницы разработаны были и в отношении проблем психологии, физиологии и морфологии мозга. У нас в стране на этой почве развились междисциплинарные направления, например нейропсихология.

Надо сказать, что все эти изменения, которые я охарактеризовал лишь схематично, опустив очень много важного и существенного, привели к результату, на который я хотел бы обратить ваше внимание. Я уже говорил, что официальная психология в дореволюционной России развивалась в рамках философии и, по существу, выполняла идеологическую функцию. Это относится к философии богословского факультета, излагавшейся в многочисленных учебниках психологии для духовных семинарий. Была также и психология второго ранга, экспериментальная подражательная психология, которая отставала от психологии в других странах, идя по пути полного подражания исследованиям в этих странах. Я мог бы охарактеризовать старую русскую психологию, за некоторыми исключениями, как провинциальную психологию, которая, в лучшем случае, лишь соучаствовала в событиях, разыгрывавшихся в мировой психологии. Такие области психологии, как психотехника, разрабатываемая профессором А.П.Нечаевым, были почти копией с психотехники Т.Мюнстерберга. Психология дореволюционной России была подражательной психологией.

В конце XIX века на первом международном объединении психологов главными участниками и создателями были представители трех стран: Франции, Германии и России. Если вы прочтаете список членов «патронального» комитета, то не найдете в нем ни одного из представителей русской официальной психологии, преподававшейся с кафедр духовной академии. Вы не найдете ни Нечаева, ни Челпанова, но встретитесь с хорошо известным именем Сеченова, который был одним из организаторов международного комитета, и с некоторыми фигурами меньшего значения, такими, как В.Ф.Чиж – представитель медицинской психологии. Таким образом, русскую психологию на первом конгрессе представляли врачи, физиологи, а не официальные психологии. Председателем первого съезда психологов был избран знаменитый французский психоневролог Ж. Шарко, который известен широкой публике больше в связи с душем Шарко, а не с его научными открытиями.

Центральной фигурой на II Психологическом конгрессе в США в конце 20-х годов вновь были не психологи, хотя на нем уже присутствовали представители нового подхода к психологии (А.Р.Лурия, С.Г.Геллерштейн и др.), а физиолог И.П.Павлов, выступивший с докладом, посвященным проблеме изучения условных рефлексов.

Однако со временем статус советской психологии в мировой психологии резко изменился. На международном конгрессе 1954 года, то есть на первом послевоенном конгрессе, выступление советских психологов вызвало бурные отклики в зарубежной научной прессе. Это было первое серьезное столкновение мнений, первое серьезное столкновение разных теоретических подходов к изучаемым проблемам. Через три года после этого конгресса представители советской психологической науки оказались в исполнительном комитете Международ-

ного союза психологов. И еще один факт я хочу привести вам исключительно ради того, чтобы вы ощутили последствия перестройки психологической науки, которые произошли за сравнительно короткий срок. В 1966 года на XVIII Международном психологическом конгрессе в Москве собралось 5000 одних только формальных делегатов, а общий состав участников конгресса подходил к 7000 человек, причем 2000 – советские психологи. На предшествующем конгрессе в Вашингтоне было только 2000 участников. Итак, конгресс 1966 года прошел под знаком превалирования советской психологической мысли. Он открывался докладом, который был посвящен значению теории отражения для психологии. Этот доклад не стал поводом к простому оспариванию или игнорированию выдвинутых тезисов, а привлек самое серьезное и пристальное внимание.

Все эти факты истории свидетельствуют о том, что найденные в начале 20-х годов решения позволили быстро и эффективно продвинуться в понимании природы психического и тем самым привели к изменению статуса советской психологии в мировой психологии. Вам, будущим психологам, нельзя забывать о силе этой теории, этого оружия, благодаря которому отечественная психология вышла в ряды наиболее мощно представленных движений психологической науки среди других стран мира.

Лекция 6

Проблема возникновения психики. Раздражимость и чувствительность

Несмотря на проделанный всей предшествующей психологией анализ природы психических явлений и процессов, марксистская психология оказалась стоящей перед труднейшими нерешенными проблемами. Проведенная за истекшее время работа дала возможность сегодня наметить положительное решение многих труднейших проблем, касающихся самой природы психических явлений и процессов, привести в известную систему накопленные прежде данные и дать последовательное их освещение с новых позиций. Вот это, в общем, и составляет задачу нашего курса общей психологии. Конечно, всякая система знаний может быть изложена, отправляясь от любого капитального научного вопроса. Но я думаю, что нужно начинать, так сказать, с начала. Что я имею в виду? Дело в том, что марксизм требует рассматривать изучаемые явления со стороны их возникновения, их развития. Разумеется, это относится в полной мере так же и к тем явлениям, которые мы объединяем в понятие явлений психических, или, еще короче, в понятие психики. Психика, психические явления не существуют как нечто изначально данное. Они имеют историю своего возникновения, историю своего развития, в ходе которого приобретают те формы, которые мы знаем сейчас. Прежде всего это относится к человеку. Вот эти сложные высшие формы, которые мы рассматриваем как формы человеческой психики, как человеческое сознание, и являются продуктом очень длительного процесса развития.

И вот одна из коренных проблем психологической науки, обычно говорят – одна из фундаментальных проблем – есть проблема необходимости, с которой эти явления возникают. Это, иначе говоря, проблема первоначального порождения психики – с нее я хотел бы начать изложение курса общей психологии.

Как показывает вся ее история, проблема эта чрезвычайно сложна. Ее сложность определяется тем, что мы не можем сейчас прямо воспроизвести те события, те изменения, которые привели к порождению, к возникновению первоначальных психических явлений – психики в ее зачаточных формах. Ведь речь идет не о том, чтобы просто допустить возникновение этих явлений, этого особого свойства, а о том, чтобы показать необходимость этого возникновения. А мы не можем воспроизвести условия, создающие эту необходимость. Мы, как и в ряде других проблем, вступаем здесь в область построения известных гипотез, то есть предположений, допущений, которые мы должны сделать. Только область гипотез – это вовсе не область фантазий. Это не область произвольных допущений. Это область таких предположений, таких допущений, которые имеют свое достаточно прочное научное основание.

Сложность проблемы, о которой идет речь, приводила постоянно к идеям о том, что эта проблема вообще неразрешима, что никакая научная гипотеза в этой области невозможна. Такая позиция является позицией признания непознаваемости этой проблемы. Или, говоря философским языком, позицией агностицизма. Это не научная позиция. Мы стоим на другой точке зрения: процесс познания не имеет границ, если не считать временных границ. Это не значит, что мы можем на любом этапе истории развития человеческих знаний проникнуть во все области реальности. Это значит, что мы *в принципе* можем проникнуть в эти очень трудные иногда области. Проникнуть в них путем построения и проверки делаемых допущений, то есть научных гипотез, путем их развития, обоснования, то есть путем действительно научного поиска, если не сразу, то постепенно приближающего нас к возможности точных научных представлений об этих кажущихся первоначально недоступными областях реальности.

Вопрос о том, что порождает первоначально зачаточные формы психики, в силу какой необходимости они возникают, конечно, обсуждался на страницах научной литературы, как философской, так и – биологической. Он обсуждался и в системе психологических знаний. Я не буду сейчас перечислять те допущения, которые при этом выдвигались. Они лишь косвенно отвечали на вопрос о причинах, вызывающих к жизни психические процессы и явления, то есть порождающих то свойство материи, которое мы называем психикой.

Новый, последовательно материалистический, марксистский подход позволил выдвинуть гипотезу, которая напрямую отвечала научным требованиям, то есть отправлялась от известного факта и давала более прямое, а не только косвенное, отдаленное, предположительное решение этой сверхсложной проблемы генезиса зачаточной психики. Гипотеза эта была выдвинута в советской психологии более тридцати лет тому назад. Я должен заранее отметить, что никакой другой гипотезы, сопоставимой с выдвинутой, до сих пор не существует. Поэтому я ограничусь изложением только этой единственной, прямо отвечающей на вопрос, гипотезы. Гипотеза эта опирается на совершенно фундаментальный биологический факт, состоящий в том, что у достаточно высоко развитых организмов легко наблюдается способность отвечать реакциями (то есть проявление раздражимости) на воздействия двоякого рода. Одни воздействия сами по себе утверждают эту жизнь и возможность ее дальнейшего развития. Назовем их условно биотическими воздействиями.

Наряду с этими воздействиями отмечаются и другие, на первый взгляд, очень странные воздействия. Причем их особенность сразу не замечается. Это воздействия, которые сами по себе нейтральны, в том смысле, что прямо от них не зависит поддержание, положительное или отрицательное, жизни организма, что от них прямо не зависит развитие организма или, наоборот, инволюция (обратное развитие) и, следовательно, в конечном счете, разрушение, распад организма. Этот фундаментальный факт был достаточно давно отмечен. К примеру, реакция животного на шорох, конечно, сама по себе не способна поддержать существование организма. Дело в том, что шорох, то есть обычно малой интенсивности звуковые, акустические волны, не в состоянии прямо участвовать в процессах ассимиляции. Они не изменяют и не воздействуют отрицательно на фундаментальные жизненные процессы обмена веществ.

Тем не менее существует огромное множество видов животных, которые отвечают на воздействия такого рода. Прямого действия нет, существует какое-то не прямое действие. Потому-то и возникла в ходе эволюции раздражимость по отношению к стимулам этого рода. Амфибия, излюбленный мной простейший пример, отвечает на такое воздействие, но, ориентируя свое тело в отношении этих воздействий, амфибия не меняет хода основных жизненных процессов, которые при этом совершаются. Шорох сам по себе не меняет ассимилятивных или диссимилятивных процессов в организме. Возникает вопрос: «Какова биологическая роль раздражимости организмов по отношению к такого рода воздействиям?»

Нужно сказать, что в известной форме эта идея развивалась крупнейшим физиологом начала двадцатого века Иваном Петровичем Павловым. Он констатировал эту идею, развивал ее в несколько специальном, собственно биологическом, аспекте и выдвинул, наряду с так называемыми безусловными раздражителями, раздражители условные, или сигнальные, что то же самое. Сама по себе пища поддерживает организм, но наряду с этим животное реагирует, скажем, на звук метронома, или другой какой-нибудь раздражитель – звонок, свет, мигающую лампочку, зажигающуюся лампочку, которые лишь связаны с пищей той связью, которую Павлов выделил как связь условную, или сигнальную. Следовательно, в области исследования даже физиологического аппарата и законов его действия, то есть в области исследования мозга, мы отмечаем то же фундаментальное несовпадение, то же фундаментальное различие, только здесь оно выступает с физиологической точки зрения, как различие безусловных, то есть обязательно вызывающих действие организма и обязательно важных для существования организма, раздражителей и раздражителей второго рода, то есть раздражителей условных. Правда, это

различение не вполне совпадает с тем, о котором я только что говорил. Дело в том, что эволюция, действие отбора и наследуемости привело к тому, что некоторые косвенно важные, опосредствующие, как мы говорим, жизненные процессы раздражители приобрели безусловный характер. Поэтому в числе безусловных раздражителей следует указать и такие, которые имеют тоже не прямое, но только заранее фиксированное в нервной системе, абсолютное, так сказать, безусловное значение. Таким образом, круг безусловных раздражителей должен быть еще распределен, разделен на два рода безусловных раздражителей: одни – собственно прямые с самого начала, изначально прямые, прямо поддерживающие ассимилятивно-диссимилятивный процесс, и другие, ставшие обязательными, то есть безусловными, хотя они выполняют не прямую, а косвенную функцию. Вот какое положение.

И с точки зрения работы мозга, с точки зрения физиологических законов, управляющих этой работой, безусловные, как их называл Павлов, раздражители первого и второго рода занимают то же самое место в этой механике мозга. Правда, у Павлова есть мысль, что, по-видимому, часть безусловных раздражителей, а может быть, и большинство из них у высших животных, столь высоко развитых, как, например, собака – классический объект павловских исследований – по происхождению своему суть условные. Эта мысль содержится в положении, что можно допустить в процессе эволюции образование фиксированных, безусловных, иначе говоря, нервных связей, охватывающих круг самих по себе не участвующих в ассимилятивно-диссимилятивных процессах раздражителей.

Факт, о котором я говорю, и послужил отправным для построения гипотезы о первоначальном порождении зачаточных форм психики. Дело все в том, что в этом различении, которое я сделал, содержится известный парадокс. Он выявляется, как только вы начинаете внимательно размышлять над особенностями вообще жизненного процесса. Вы, конечно, знаете, чем отличаются процессы жизненные, то есть свойственные живым, жизнеспособным организмам, от процессов, которые характеризуют взаимодействие в неживой природе. Эта особенность жизненных процессов обычно передается в терминах обмена веществ или, что то же самое, в терминах ассимилятивно-диссимилятивных процессов. Почему мы говорим «ассимилятивно-диссимилятивных»? А по той простой причине, что ассимиляция, то есть получение из внешней среды вещества или получение известного вида энергии, непременно требует траты вещества организма. То есть когда мы имеем дело с каким-либо ассимилятивным процессом, то за ассимиляцией лежит диссимиляция. Поэтому мы не можем разделять эти два процесса. Я не могу ничего ассимилировать, не диссимилируя.

Вот здесь и возникает парадокс: если мы допускаем, что на каком-то этапе эволюции появляется реакция на раздражители второго рода, то есть организм отвечает диссимилятивными процессами на воздействие, не связанное с дальнейшей ассимиляцией, такая диссимиляция представляется неоправданной тратой энергии. Когда организм начинает реагировать на воздействие, не имеющее прямого биотического значения, диссимиляция начинает превышать ассимиляцию, и, если следовать этой логике, должен произойти распад веществ организма, превращение организма в органическое неживое вещество. В этом и заключается парадокс развития раздражимости по отношению к таким воздействиям, которые сами по себе в ассимилятивно-диссимилятивной активности организма не участвуют. Задача состоит в том, чтобы снять этот мнимый парадокс.

По-видимому, воздействия второго рода, сами по себе не принимающие участия в ассимилятивно-диссимилятивной деятельности организма, в этих процессах оправданы, необходимы. И вот теперь мы стоим перед вопросом: в чем же заключается необходимость? По-видимому, воздействия, которые прямо не участвуют в ассимилятивно-диссимилятивной деятельности, участвуют в ней непрямо. Раздражимость по отношению к шороху у животного связывается с каким-то воздействием, с каким-то свойством, с чем-то в окружающем мире, в окружающей среде, что уже само по себе является необходимым условием жизни. Вот ведь

как просто объясняется этот парадокс! Значит, в одном случае мы имеем процессы обмена веществ, прямые, непосредственные обмены, а в другом случае, мы имеем дело с этими же процессами, но осложненными, или, как я предпочел бы сказать, опосредствованными. Есть какое-то промежуточное звено, необходимое для протекания ассимилятивно-диссимилятивной деятельности, но звено, которое лишь связывает организм с потребными для его жизни воздействиями или предупреждает о воздействиях, нарушающих жизнь, угрожающих существованию организма. И отсюда мы можем сделать один вывод. По-видимому, эти воздействия, вернее, раздражимость по отношению к этим воздействиям, появляющаяся в ходе биологической эволюции, выполняет известную функцию. Сначала я обозначил ее в общем виде как функцию опосредствования связи организма с необходимыми для существования или угрожающими существованию воздействиями, свойствами, вот как я бы сказал еще более точно. А конкретизируя это понятие опосредствования, я бы уточнил, что функция этого вида раздражимости – это функция, которая ориентирует организм в отношении окружающей среды. Это ориентировочная функция. Я дальше делаю еще один шаг. Мне представляется, что можно сделать еще одно уточнение. В силу чего эта функция, то есть функция ориентирования организма в окружающем мире, возможна? Она возможна в силу того, что эти ориентирующие воздействия являются не случайными, не любыми, а объективно соотнесенными с другими воздействиями. И, таким образом, реакция раздражимости по отношению к ориентирующим воздействиям есть процесс, свойство организма, которое выражается в возможности отражения этих объективных связей. Таким образом, за функцией ориентации открыто лежит функция отражения, она выражает эту функцию.

Вы можете мне сказать, что под отражением мы всегда понимаем некоторую картину. Да, в развернутых формах мы говорим о психическом отражении. Заметьте, что я говорю не об отражении вообще, а о психическом отражении, то есть сужаю понятие отражения, отличая его от отражения в физическом смысле, например зеркального отражения. В развернутом виде это отражение очень напоминает картину в зеркале, то есть это есть некоторый образ или некоторое абстрактное представление, более отвлеченное понятие. Но в зачаточных формах отражение не может сразу приобрести этот картинный, иконический, иногда говорят, вид, иконическую форму. Мы ведь говорим об отражении в его зачаточных формах, но уже отражении психическом, то есть таком отражении, которое, как вы уже знаете, возникает в жизни, выполняет жизненную функцию, и в этом смысле становится активным.

Таким образом, ориентировочная функция вместе с тем является функцией отрагательной, поскольку эта ориентировка возможна только в том случае, если отношения между воздействиями, которые порождают реакции, ориентирующие организм, отражают реальность объективных связей. Так, шорох ориентирует по отношению к пище, цвет по отношению к пище, форма по отношению к пище, то есть существует объективная устойчивая связь свойств.

Далее появляются вопросы: «В силу каких условий возникают эти сложные опосредствованные отношения организма к среде? Какие субъективные и объективные условия необходимы для возникновения функции опосредствования, для возникновения зачаточных форм чувствительности?» Под объективными условиями имеются в виду условия, которые характеризуют среду, а под субъективными – те условия, которые обнаруживаются в процессах самого организма. Начнем анализ с объективных условий. Широко известный факт состоит в том, что на заре биологической эволюции живые организмы существовали и развивались в однородной, гомогенной среде, колеблющейся, изменяющейся, но все же однородной. Например – водная среда. Такая гомогенная среда служит объективным условием, необходимым для осуществления прямых процессов. Это непосредственное проникновение в организм соответствующих веществ, непосредственное воздействие энергии. Это то, что называется простейшей жизнью, описание которой вы можете найти в любой современной литературе, касающейся первоначальных форм жизненного процесса коацерватной капельки, если употреблять специфические

термины, или жизнеспособного тела, если употреблять более широкий термин. Жизнеспособное тело – то, которое способно к саморегуляции в условиях изменчивой по своим свойствам первоначально простой однородной среды. Гегель в свое время обозначил такого рода среду очень ясным описательным термином, почти метафорическим. Он называл такую среду средой-стихий.

Дальнейшая история развития жизни связана на более высоких ступенях эволюции с переходом жизни от однородной среды, гомогенной, в среду предметную, то есть среду, которая состоит из дискретных вещей, из дискретных предметов.

Этот переход начинает осуществляться в условиях водной среды, так как живой организм начинает реагировать не только на колебания самой гомогенной среды, но и на те объекты, которые могут существовать в этой среде. Появление такого типа реакции, реакции на дискретные объекты, становится совершенно очевидным при переходе жизни в наземную среду, которая прежде всего является средой дискретных предметов. А предмет не может быть охарактеризован каким-либо одним свойством; он всегда представляет собой узел свойств, жестко связанных между собой. Любое тело обладает целым рядом физических свойств. При воздействии света оно обнаруживает такие свойства своей поверхности, как, допустим, цвет и т. д. При механическом воздействии тело начинает распространять звуковые волны. Итак, вещь – это (я пользуюсь термином Гегеля и Маркса) «узел» различных свойств. Когда я характеризую эту вещь, то первое, на что я должен обратить внимание, что должно войти в характеристику, – это то, что данная вещь описывается не одним свойством, а представляет собой «пучок свойств». Причем это пучок свойств, не случайно, не хаотически связанных между собой, а соединенных достаточно жестко. Любое тело, я имею в виду вещественное тело, как вы понимаете, обладает свойствами физическими, механическими, пространственной формой, величиной. Не правда ли? В условиях действия света оно обнаруживает свойство своей поверхности в отношении данного воздействия. То есть оно, оказывается, выступает для нас как обладающее цветом. В условиях механического воздействия оно может оказаться способным распространять, вызывать, генерировать упругие волны в воздухе или в воде, жидкости, то есть быть звучащим телом. Словом, в системе вещей, которые необходимо связаны взаимодействием друг с другом, всякая вещь выступает как «сгусток» различных свойств.

При этом свойства, важные для поддержания ассимилятивно-диссимилятивного процесса, выступают как свойства, как бы прикрываемые другими, безразличными с точки зрения ассимилятивно-диссимилятивного процесса свойствами. Под ними находится предмет «в оболочке». Я повторяю эту метафору. Но мы так привыкли к этим метафорам. Мы говорим: поверхностное свойство и более глубокое свойство. И мы даже говорим, что всякий отражательный психический познавательный процесс, в своей познавательной функции, – это процесс, который характеризуется переходом от поверхностного к тому, что скрыто за этим. Поэтому мы и говорим: проникновение за видимость вещей – вот функция познания. Конечно, мы это говорим применительно к высоко развитым формам познавательной деятельности, но общий принцип остается тем же самым. Животное встречается с телом, которое обладает физическими, механическими, прежде всего, свойствами. Эти свойства ориентируют его, например, в химических свойствах тела. Сначала нужно проникнуть, сориентироваться в физических свойствах для того, чтобы получить отбор пищевого и не пищевого, угрожающего и не угрожающего своими химическими свойствами. Надо проникнуть за эту поверхность. В этом все дело. Необходимо, чтобы процессы были ориентированы на свойства, воздействующие первыми, помещенными как бы на поверхности этих вещей. Конечно, звуковая волна, достигающая органов, раздражимых по отношению к этому виду энергии, ничего не может изменить в диссимиляции, но она позволяет осуществить приспособление, в результате которого, скажем, вот этот шорох или другой звук ведет к возможности поглощения соответствующего или невозможности поглощения этого воздействующего тела, предмета (я подчеркиваю

этот термин – предмета) и в результате – к поддержанию жизни или защиты жизнедеятельности организма от разрушающих влияний. Вот о чем речь.

Значит, мы можем ясно представить себе, скажем, воздействие кислорода, непосредственно участвующего в процессах окисления, необходимых процессах обмена веществ, и воздействие, скажем, цвета, формы, любых других механических свойств. Вот это различие и составляет необходимость появления различия и в формах раздражимости.

Различие между воздействиями первого и второго рода закономерно приводит к различию в формах раздражимости. Раздражимость к воздействиям первого рода, к биотическим воздействиям можно назвать простой раздражимостью (*irribilitas*). Что касается раздражимости ко второму роду свойств, которая необходимо возникает при переходе живых организмов в дискретную среду и выполняет функцию отражения и ориентирования, то я предложил называть ее собственно чувствительностью (*sensibilitas*).

В заключение я бы хотел особо отметить, что с самого начала психика возникает не как некоторое субъективное явление, которое не имеет жизненного значения, а как фундаментальная биологическая функция, функция ориентации и отражения, без которой не может идти дальше процесс биологической эволюции в предметной среде.

И последнее замечание. Я не закончил сегодня изложение гипотезы. Для того, чтобы изложить ее хотя бы схематически, нужно сделать еще по крайней мере два шага. Может быть, и больше. Позвольте пока на этом закончить.

Лекция 7

Предметная деятельность как основание психики

В ходе эволюции происходит как бы раздвоение процессов, осуществляющих единую жизнь организма. Уже на относительно раннем этапе биологической эволюции наряду с процессами, непосредственно осуществляющими поддержание существования живых организмов, выделяются процессы, отвечающие на такие воздействия, которые в этом отношении (поддержания существования организмов) сами по себе являются нейтральными. Таково было первое положение, которое я выдвигал в прошлый раз. Второе положение состоит в том, что эти особые процессы, процессы второго рода, необходимо возникают при переходе к жизни в среде дискретных предметов. Они связывают организмы с предметной средой. Причина возникновения этих процессов особого рода лежит прежде всего в природе самой окружающей среды, которая становится на известных уровнях развития жизни предметной средой. Другая предпосылка, которую необходимо иметь в виду для того, чтобы понять этот переход, заключается в активном характере жизненных процессов. Это значит, что в самой природе живого и жизнеспособного организма заключена необходимость самостоятельной силы реакции, то есть необходимость осуществления известных процессов, которая на более высоких ступенях эволюции отчетливо находит свое выражение в наличии внешне наблюдаемой активности, которая не является реактивной, то есть отвечающей на тот или иной стимул. Такого рода внешняя активность, подробно описанная в последнее время, представляет собой предметно не направленную, или поисковую, активность, которая проявляется, например, в ауторитмических движениях новорожденных. Эта активность, идущая «навстречу» среде, не побуждается непосредственно воздействием среды и не отвечает предмету потребности до тех пор, пока он не обнаружен.

Грубая иллюстрация. Представьте себе прорастающий росток какого-нибудь растения. Если этот росток лишить света, то он будет тянуться вверх, но через некоторое время обесцветится и погибнет (если это зеленое растение), так как для поддержания его существования необходимо хлорофильное преобразование падающей на растение энергии в виде солнечных лучей. Но, несмотря на тот факт, что хлорофильное преобразование падающих на растение лучей является обязательным условием существования и нормального развития растения, если рядом с растением будет падать солнечный луч, оно не совершит никаких пробующих поисковых движений. Поэтому, кстати, сложился образ неподвижного растения (растение неподвижно в отличие от животного).

Принципиально другую картину мы наблюдаем, когда имеем дело с животным, пусть даже только что появившимся на свет. При наблюдении за животным мы сталкиваемся с проявлениями ненаправленной внешней активности, которая не имеет адекватного раздражителя. По-видимому, какие-то воздействия среды есть, но они еще не связаны однозначно с ответными реакциями. Поэтому, вообще говоря, эти реакции еще не есть ответные реакции. Итак, в одном случае невозможность удовлетворения потребности приводит к тому, что животное постепенно погибает; в другом случае она становится причиной ненаправленной поисковой активности, проявляющейся во внешних движениях организма. У растений, вообще говоря, вероятно, тоже есть подобного рода активность, но не выраженная в явной внешней форме.

Как переход к существованию в предметной среде, так и наличие поисковой активности у различных живых организмов, являются обязательными предпосылками появления процессов «второго рода». Как их назвать?

Мы могли бы назвать эти процессы процессами поведения, тем самым противопоставив их процессам отправления организма. Я предпочитаю называть процессы второго рода процессами деятельности, определяя *деятельность как систему процессов, осуществляющих*

взаимодействие организма именно с предметной средой. Впрочем, я буду иногда использовать термин «поведение» в более широком значении, чем его используют бихевиористы. Я готов сделать еще одно терминологическое уточнение. Этот термин «деятельность» я сокращаю, так как по определению необходимо было бы сказать «предметная деятельность». Деятельность всегда предметна.

Еще раз напомню, что возникновение деятельности связано с выделением (с раздвоением) в ходе эволюции двух классов раздражимости: раздражимости по отношению к воздействиям, необходимым для поддержания существования организма, и раздражимости к абиотическим, нейтральным, воздействиям (выполняющим сигнальную – и это хорошее слово – роль, то есть роль сигналов чего-то), или собственно чувствительности. Функция чувствительности заключается в ориентировании организмов по отношению к воздействиям второго рода, выполняющим сигнальную роль, причем чувствительность может выполнять функцию ориентирования лишь при условии, что эффекты, возникающие при воздействии нейтральных абиотических раздражителей, являются отражением свойств объективной среды в их связях.

Однако свойства предметов, ориентирующие организм, не всегда правильно связываются с внешними биотическими воздействиями, воздействиями первого рода, отвечающими потребностям организма. Давайте рассмотрим простой пример. Мы ориентируемся посредством вкусовых ощущений на свойства сахара как питательного вещества. Но, само собой разумеется, что вкус сладкого сам не способен обеспечить удовлетворения потребности в углеводах. Можно легко создать ситуацию, в которой вы будете испытывать ощущение сладости, но не удовлетворите потребности организма в углеводах. Для этого нужно заменить сахар сахарином. При этом ощущение сладости останется, а потребность организма, нужда в углеводном питании оказывается неудовлетворенной, хотя на первых порах вы не ощущаете этого своеобразного обмана. Так, в трудные годы людям приходилось пить чай с сахарином. Вначале подмена не чувствовалась, и осознаваемая потребность человека казалась удовлетворенной, а затем вкус сахарина как бы изменился, стал «плохим», так как явно проявилось углеводное голодание. В связи с такого рода «обманами» мне вспоминаются опыты одного из учеников И.П.Павлова. Опыты заключались в следующем. Голубям давалась фасоль двух цветов: коричневая и белая. Фасоль белого цвета была лишена витаминов. Через некоторое время все голуби научились выбирать и есть только ту фасоль, которая сохраняла свои витаминные свойства. Таким образом, вначале – заблуждение, а затем – появление настоящего значения признака, сигнального воздействия. Почву для таких заблуждений создает раздвоенность на воздействия первого и второго рода. Встает вопрос: «Каким путем происходит изменение сигнальности различных признаков, утрата сигнальности одних признаков и появление сигнальности у других признаков?» Ключ к ответу на этот вопрос лежит в том, что голуби, как и люди в примере с сахарином, действовали, продолжали вступать в контакт с соответствующими предметами. И именно в результате опыта действований происходило изменение, уточнение признака. Признак способен изменить свое сигнальное значение в практическом процессе (а жизнь всегда есть практический процесс), в жизнедеятельности организма. В деятельности организма происходит дифференциация сигнальных значений различных физических свойств. Так, в примере с фасолью цвет приобрел особое сигнальное значение.

В условиях жизни, связанной с ориентировкой в предметной среде, особую форму приобретают переходы, осуществляющиеся при взаимодействии живого организма, я ввожу новый термин – «субъекта», и предмета, «объекта». Один переход ясен. Это те изменения, которые субъект вносит в предметный мир, в предметную среду, действуя в этой среде. Следует подчеркнуть, что в мире животных такие изменения не носят преднамеренного характера. Голубь, дробя клювом фасоль, изменяет ее; тем самым происходит переход деятельности животных во внешние эффекты, в предметные изменения. Другой переход (менее ясный) – это переход свойств предмета и связей этих свойств в состояния субъекта, опосредствующие его связи с

предметным миром. Итак, с одной стороны, субъект, действуя в соответствии со своей ориентировкой, изменяет предметную среду, а с другой – в этом же процессе происходит возникновение состояний, отражающих свойства предметной среды. Это изменение того состояния субъекта, которое мы называем состоянием чувствительности, или – выражаясь языком более конкретным – ощущением. Первоначальные формы чувствительности обладают не только недостаточной дифференцированностью, не только носят диффузный характер, но они, в отличие от того, что мы имеем в виду под ощущениями в обыденной жизни, не отделены от «чувствований» и «аффектов». В первоначальных формах чувствительности нет расчленения на состояния, вызываемые объектом, которые мы называем «чувствованиями», и «воспринимаемыми» свойствами этого объекта. Такое расчленение, раздвоение чувствительности выступает лишь на более поздних этапах развития; в первоначальной же форме чувствительность в смысле «ощущения» и чувствительность в смысле «чувствования» слиты друг с другом (в нашем языке, кстати говоря, эти два значения слова «чувствительность» хорошо выражены; вот почему я люблю слово «чувствительность», а не «ощущение»). Эта слитность особенно ярко выступает в форме древней чувствительности, протопатической чувствительности даже у человека (например, в обонятельной и вкусовой чувствительности: когда мне в рот попадает хина, я одновременно ощущаю очень горький вкус и страдаю от этого). Я подчеркиваю это потому, что в моей книге «Проблемы развития психики» эта мысль недостаточно четко прописана. Дифференциация функций чувствительности на гностическую (собственно познавательную) чувствительность и чувствительность в смысле эмоционального состояния медленно происходит на протяжении всей биологической эволюции. Имеются такие переходные состояния, которые называются синестезиями, фиксированные даже анатомически в определенном смысле. Это взаимодействия органов чувств, совместное действие различных органов чувств. В обыденной жизни мы часто встречаемся с такой ситуацией: в связи с простудой «выключено» обоняние – и пища кажется безвкусной. Иногда бывают нетипичные синестезии – цветной слух, например. И затем происходит раздвоение этих двух форм чувствительности.

Таким образом, взаимопереходы «субъект – объект» осуществляются в форме предметной деятельности – в той форме, которая отлична от «деятельности кишечника», «нервной деятельности», «секреторной деятельности» и т. д. Предметная деятельность – деятельность в узком смысле. Задача психологии заключается в том, чтобы прочесть книгу о порождении психических процессов как процессов, появляющихся при взаимодействиях живых организмов с предметной средой на определенном уровне эволюции. Переходы, осуществляющиеся в деятельности, находят свое выражение и в объектах предметной среды, и в состояниях организма, адекватных свойствам предметной среды, то есть состояниях психического отражения. Психические явления по своей природе всегда есть явления отражательные.

Выше я сформулировал гипотезу *о порождении зачаточной формы психики*. Однако это вовсе не означает, что вопрос о порождении психики можно считать окончательно решенным. Напротив. Я привел вам лишь одну гипотезу, на почве которой я стою, потому, что других гипотез в конкретно-научном смысле не существует. В качестве теоретической, философской, очень общей гипотезы предлагают допустить, что свойства, называемые психикой, изначально присущи любой материи. Это чистое допущение, это нельзя рассматривать как научную гипотезу. Или другое допущение: психика изначально присуща живой материи. И опять нет критерия, чтобы показать наличие этого свойства. С теологической точки зрения, психика появляется у человека как акт божественного одухотворения. Это не конкретно-научная гипотеза. Существует также гипотеза о том, что возникновение психики необходимо связано с появлением нервной системы. В качестве доказательства приводится тот факт, что при воздействии на нервную систему мы меняем или разрушаем психику. Но это недостаточное доказательство, так как из того, что одно связано с другим, вовсе не вытекает, что оно порождено этим другим, в данном случае нервной системой. Оно осуществляется нервной системой, это правильно.

Нам остается рассмотреть еще один капитальный вопрос: *«На каком этапе биологической эволюции возникают сигнальные связи с воздействиями, необходимыми для поддержания жизни?»* Это действительно очень трудный вопрос, и на него я не могу ответить. Я говорил иногда «на относительно позднем этапе», а иногда «на относительно раннем этапе» эволюции – оба термина подходят. Термин на «относительно позднем» подходит потому, что история возникновения и первоначального развития жизнеспособных тел, то есть организмов, – это длительный процесс, и, спускаясь по лестнице эволюции, мы быстро приходим к относительно простым организмам, откуда и начинаем проследживать историю, не зная предыстории. Ее знают теоретики возникновения жизни. Предыстория связана с колоссальными планетарными изменениями, которые занимают огромные промежутки времени. Эти промежутки огромны в сравнении с теми масштабами, с которыми мы имеем дело в последующей эволюции. Именно поэтому я говорю, что психика возникла «на относительно позднем» этапе. «На относительно раннем», если мы берем длинный ряд последующих этапов биологической эволюции и останавливаемся на очень простых организмах. Однако мы не можем точно назвать эти организмы, так как существует целый ряд трудностей, которые мешают прямо ответить на этот вопрос.

Первая трудность состоит в том, что мы не знаем предыстории эволюции. Мы лишь строим гипотезы о возникновении первоначальной жизни, которая больше не существует. Другая трудность заключается в том, что эволюция шла по многим линиям. Эволюция не линия, а, скорее, гроздь. Напомню, что мы называем простейшими животными одноклеточные организмы. По этой линии биологической эволюции, где усложнение организации происходило не за счет объединения клеток, а за счет внутриклеточного развития, эволюция зашла достаточно далеко, и, наверное, вы знакомы с описанием таких одноклеточных, как, например, классическая инфузория «туфелька» или жгутиковые и т. д. Вы, наверное, также знаете, что среди инфузорий существуют преследователи, хищники. Когда-то наш зоопсихолог Вагнер писал, что в термине «простейшие» заключено больше иронии, чем правды. И это правда. Очень сложная жизнь у простейших. Когда первые исследователи с помощью лупы стали изучать поведение «высших» одноклеточных, то есть более сложно организованных организмов, то они были изумлены сложностью этого поведения, управляемого множеством различных воздействий. Линия эволюции одноклеточных – это тупиковая линия, которая бесперспективна, потому что принцип развития одной клетки не дал прогрессу возможности идти дальше. Другие линии оказались более перспективными. К ним относятся линии, по которым шла эволюция хордовых. А сколько тупиковых ответвлений! Вот, пожалуйста, очень интересен класс насекомых – класс с чрезвычайно сложным поведением некоторых видов. Достаточно привести примеры из популярной литературы о «языке» или «танцах» рабочих пчел. Насекомые обладают удивительно сложными формами поведения, а мы помещаем их где-то относительно низко на ступенях эволюции, несмотря на то, что их поведение достигло довольно высокого уровня адаптации и позволило им выжить в непрерывно изменяющемся мире. Это «застывшая» эволюция.

Таким образом, трудность заключается в локализации появления психики на реальной линии эволюции, то есть так, как она шла, а не так, как мы ее себе упрощенно однолинейно представляем. Если бы мне сказали: «Назовите мне, на какой конкретно ступени эволюции возникает это усложнение жизни?», то я бы не смог ответить на этот вопрос. Я могу только сказать вам, что у меня в руках прочный критерий, вытекающий из сформулированной гипотезы, который позволяет объективно отличить жизнь допсихическую, то есть не опосредствованную сигнальными воздействиями, и жизнь, опосредствованную сигнальными воздействиями. Если я могу констатировать наличие раздражимости у данного животного по отношению к воздействиям, которые сами по себе не способны к поддержанию жизни или не представляют собой (еще раз подчеркиваю) воздействий, нарушающих этот процесс, то мы можем по этому

критерию отнести данный вид к тому или другому уровню развития жизни, о котором идет речь, – к уровню простейших отправления или к уровню поведения. В принципе, мы можем установить этот критерий, хотя это не всегда просто, так как каждый раз необходимо решить вопрос, относится ли данное воздействие к биотическим или абиотическим воздействиям, то есть необходимо конкретное исследование. Например, мы изымаем из среды животного воздействие определенного рода и смотрим, изменится ли что-нибудь в его жизни. Если не меняется, то, следовательно, эти воздействия не вмешиваются в процесс ассимиляции и диссимиляции организма. Они нейтральны. Таким образом, вопрос о локализации критерия появления чувствительности на лестнице эволюции требует в каждом частном случае очень тонкого экспериментального исследования, иногда даже биохимическими методами.

В заключение я бы хотел сказать, что предложенная гипотеза генезиса психики представляет собой некоторую идеальную схему, которая осложняется при приложении ее к реальности. В любой науке вначале необходимо иметь некоторую общую схему. Посмотрите на такую зрелую науку, как физика. Всякое движение начинается со схематического представления, допустим, модели атома. Эта модель имеет эвристический смысл, то есть ставит перед исследователем новые вопросы, которые приводят к уточнению, а иногда и к существенному изменению первоначальной схемы.

Лекция 8

Возможности изучения психики животных

Зачаточная форма психики отделена невероятно долгим путем эволюции от развитых форм психического отражения, которые мы находим у человека. Развитие живых организмов должно пройти долгий путь, на протяжении которого происходит усложнение форм деятельности организмов и, соответственно, усложнение морфофизиологической организации организмов. Этот длительный путь должен быть прослежен и понят, потому что иначе мы не сможем понять особенности того, что нас более всего интересует, то есть особенности человеческого сознания. Предыстория развития психики служит ключом к пониманию особенностей психики человека, так как человеческое сознание не появляется, образно говоря, со скоростью пистолетного выстрела и, следовательно, введение в человеческую психологию необходимо требует исторического подхода к психике.

Психика животных издавна привлекала к себе внимание естествоиспытателей, психологов и философов. Изучение психики животных составило целую ветвь психологии. Эту область психологии называют биопсихологией или зоопсихологией. Оба термина выражают суть дела. Термин *биопсихология* оттеняет тот факт, что речь идет именно о тех формах психического отражения, которые управляются биологическими законами и непосредственно включены в процесс биологической эволюции. Поэтому психика животных интересовала и продолжает интересовать представителей собственно биологических наук.

Из этого вытекает двойственность значения зоопсихологии и даже двойственность задач, которые стоят перед исследователями, занимающимися психикой животных. С одной стороны, зоопсихология ставит перед собой задачи исследования сложных форм поведения, опосредствованных отражением окружающего мира, в интересах решения биологических проблем приспособления в ходе эволюции и тех проблем, которые имеют прикладное значение. Так, исследование сложного поведения таких организмов, как медоносные пчелы, имеет, конечно, существенное прикладное значение. Я не говорю уже о прикладном значении исследования одомашненных животных. Прикладное значение знаний о психике животных иногда относится к решению злободневных проблем, связанных с охраной и защитой животного мира. Я не являюсь специалистом в области, скажем, ихтиологических проблем, но мне, как, вероятно, и вам, хорошо известен целый ряд вопросов в связи с такими практическими, хозяйственными задачами, как, например, задача сохранения нормального образа жизни рыб в условиях искусственных водоемов. Даже в такой области, как размножение домашних животных, приходится считаться с данными, которые по существу являются данными зоопсихологическими. Это проблемы экологического порядка, типа проблемы поддержания биоценозов и т. д. Эти прикладные задачи решаются методами зоопсихологии. Зоопсихология подробно изучает историю формирования, постепенного усложнения совершенствующихся форм ориентировки животного в окружающем мире, не абстрагируясь от видовых особенностей изучаемых животных. В отличие от такого подробного изучения наш экскурс в эту область может ограничиться лишь схематическим представлением эволюционного процесса развития форм психического отражения.

Даже первый подход к предыстории человеческой психики наталкивается на вопрос, который имеет теоретическое и методологическое значение. Это вопрос: «А можно ли вообще изучать психику животных?» Подумайте, какое сочетание! Мы привыкли связывать с понятием психики или с понятием психического отражения некоторый ряд субъективных явлений, которые в широком смысле слова можно назвать явлениями переживаемого отражения. Я нечто вижу и вижу себя видящим. Я нечто слышу и замечаю себя слышащим, я нечто думаю и констатирую наличие процесса мышления. Я могу рассказать об этих явлениях и описать их.

Я могу сравнить свое описание с описанием сходных процессов или тех же самых процессов в общем их виде у другого человека. Передо мной своеобразные, открытые для каждого из нас, явления, и я могу двигаться от этих явлений, стараться проникнуть за внешний облик отражения («внешний» – в смысле «лежащий на поверхности», и «внутренний» – если говорить о том, что мы как бы открываем эти явления у себя). С животными обстоит дело иначе. Мы не можем спросить у животных, видят ли они, слышат или не слышат, испытывают боль или не испытывают боли и т. д. Мы не можем обратиться к животному и получить словесный отчет. Следовательно, нужно искать какие-то другие пути проникновения в мир субъективного отражения животных.

Существует несколько возможностей решения этой проблемы, которая представляет большой интерес для психологов, занимающихся изучением психики человека. Ее решение имеет важное значение для понимания психики человека потому, что попытки проникнуть в природу психических явлений человека не могут ограничиться данными самонаблюдения и даже всерьез опираться на них.

Психологи, изучающие человека, вынуждены искать объективные методы исследований. В зоопсихологии же не может быть никакого другого метода, кроме объективного. Без объективных методов мы не в силах понять что-либо не только в психике животных, но и в психике маленьких детей, к сознанию которых обращаться по меньшей мере тщетно. Люди, имеющие опыт работы с младенцами, например педиатры, отлично понимают, что при решении диагностических задач они не могут рассчитывать на помощь младенца. Они не могут, пальпируя младенца, надеяться на то, что он скажет, где ему больно. Из сказанного выше видно, что задача поиска объективных методов, с которой зоопсихология в силу особенностей объекта своего исследования столкнулась раньше психологии человека, имеет первостепенное значение для психологии человека.

Поиски путей проникновения в психику животных имеют свою историю. Один путь, который уже давно отброшен, состоял в том, что исследователи проводили аналогии между психикой животных и человека. Они полагали, что в одинаковых ситуациях при одинаковых воздействиях у животных возникают те же внутренние процессы, которые в подобных ситуациях возникают у человека, то есть приписывали животным человеческие переживания. В старых книгах об уме животных есть немало привлекательных страниц о думающих и переживающих животных, в которых авторы этих сочинений видели маленьких «психологов», обладающих внутренним миром. Этот подход к психике животных, основывающийся на приписывании особенностей человеческой психики животным, носит название *антропоморфизма*.

Другой подход основан также на аналогии. Стоит отметить, что «суждение по аналогии» – вообще далеко не лучший способ научного доказательства. Именно на такого рода суждении строится *сравнительно-анатомический подход* к психике животных. Рассуждения, лежащие в основе этого подхода, очень просты. Человеческая психика связана с работой мозга и органов чувств. Эти связи совершенно несомненны и доступны для изучения. А если мы знаем то, какие системы органов участвуют при возникновении тех или иных психических процессов, то, значит, имеем право судить о наличии тех или иных форм отражения по морфологическому критерию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.